

ХАРУКИ МУРАКАМИ

1Q84

КНИГА 1
АПРЕЛЬ – ИЮНЬ

Тысяча Невестьсот
Восемьдесят Четыре

1Q84. Тысяча Невестьсот Восемьдесят Четыре

Харуки Мураками

**1Q84. Тысяча Невестьсот
Восемьдесят Четыре.
Книга 1. Апрель–июнь**

«ЭКСМО»

2009

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

Мураками Х.

1Q84. Тысяча Невестьсот Восемьдесят Четыре. Книга 1. Апрель–июнь / Х. Мураками — «Эксмо», 2009 — (1Q84. Тысяча Невестьсот Восемьдесят Четыре)

ISBN 978-5-04-098053-6

Главная литературная сенсация нового века, «магнум-опус прославленного мастера» и «обязательное чтение для любого, кто хочет разобраться в японской культуре наших дней», по выражению критиков. Действие книги происходит не столько в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году, сколько в тысяча невестьсот восемьдесят четвертом, в мире, где некоторые видят на небе две луны, где ключом к вечной любви служит Симфониетта Яначека, где полицейских после всколыхнувшей всю страну перестрелки с сектантами вооружили автоматическими пистолетами взамен револьверов, где LittlePeople – Маленький Народец – выходят изо рта мертвой козы и плетут Воздушный Кокон.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-098053-6

© Мураками Х., 2009
© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	47
Глава 6	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Харуки Мураками

1Q84. Тысяча Невестьсот Восемьдесят Четыре. Книга 1. Апрель – июнь

© 2009 by Haruki Murakami

© Коваленин Д., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление

* * *

*Правят Барнум и Бейли здесь,
Позолотою мир блестит,
Но если ты поверишь в меня –
Нас с тобою не провести.*

*It's a Barnum and Bailey world
Just as phony as it can be,
But it wouldn't be make-believe
If you believed in me.
It's Only a Paper Moon*

(E. Y. Harburg and Harold Arlen)

Глава 1

Аомамэ

Не верь глазам своим

Р адио в такси играло «Симфониетту» Яначека. Внутри машины, застрявшей в пробке, такое даже музыкой не назовешь. Да и водитель мало похож на человека, который все это внимательно слушает. Точно бывалый рыбак, пытающийся угадать, будет шторм или нет, таксист средних лет пристально следил за растянувшейся впереди цепочкой автомобилей. Вжавшись поглубже в заднее сиденье, Аомамэ с закрытыми глазами слушала музыку.

Интересно, сколько людей на свете, слушая первую часть «Симфониетты» Яначека, узнают в ней «Симфониетту» Яначека? Ответ здесь, пожалуй, колеблется где-то между «очень мало» и «почти нисколько». Только Аомамэ почему-то была исключением.

Эту маленькую симфонию Яначек написал в 1926 году. А вступление на фанфарах сочинял как гимн для какого-то спортивного фестиваля. Аомамэ представила Чехословакию 1926 года. Первая мировая война завершилась, многовековая тирания Габсбургов наконец-то низвержена. Люди потягивают в тавернах пльзеньское пиво, собирают крутые реальные пулеметы и наслаждаются миром, ненадолго воцарившимся в Центральной Европе. Два года назад трагически умер Кафка. Уже совсем скоро сюда зайвится Гитлер и пожрет эту маленькую красавицу страну с потрохами. Но предвидеть надвигающийся кошмар, само собой, никому пока не дано. Может, главная мудрость, которой люди учатся у Истории, и заключается в горьком вопросе: «Кто же тогда мог знать, что все так обернется?» Слушая музыку, Аомамэ вообразила ветер, гуляющий по Богемскому плато, и вернулась к мировой истории.

В 1926 году скончался император Тайсё, началась эпоха императора Сёва¹. На Японию тоже надвигались мрачные времена. Легкомысленные интерлюдии модернизма и демократии промелькнули как сон, и фашизм уже стучал в двери, осведомляясь, где расквартироваться.

Мировая история была вторым коньком Аомамэ – сразу за спортивными новостями. Литература как таковая особого интереса не вызывала, но исторические тексты, попадавшие на глаза, Аомамэ читала запоем. Больше всего в истории ей нравилось, как факты увязываются с местами и датами произошедших событий. Запомнить какую-либо дату для нее всегда было проще простого. Сами числа зубрить смысла нет. Достаточно представить, что чему явилось причиной, какие в итоге случились последствия – и точная дата сама выскакивала перед глазами. В школе по истории Аомамэ не было равных. И когда люди жаловались, что не могут удерживать нужные даты в голове, она всегда удивлялась. Ну в самом деле, что тут сложного?

Аомамэ – Синий Горошек – вовсе не было прозвищем². Ее род по отцу происходил из префектуры Фукусима. Говорят, где-то там, в затерянной среди гор деревушке и сейчас еще оставалось несколько человек с этой странной фамилией. Хотя сама Аомамэ ни разу там не бывала. Еще до рождения дочери отец оборвал со своими родственниками всякие связи. А мать – со своими. Так что ни бабушек, ни дедов своих Аомамэ в глаза не видала и знать не знала. Путешествовать ей доводилось нечасто, но если все-таки выпадало заночевать в каком-нибудь отеле, перед сном она непременно пролистывала телефонный справочник в поисках однофамильцев. Увы! Куда бы ее ни заносило – в мегаполис или провинциальное городишко, –

¹ Эпохи правления японских императоров: Тайсё – с 1912 по 1926 г., Сёва – с 1926 по 1989 г. (Здесь и далее прим. переводчика.)

² **Аомамэ** (яп. «синий горошек») – разновидность фасоли. Выращивается в горных районах Японии и редко появляется на столе горожан. Чаще всего используется как ингредиент для приготовления соевого творога (тофу) или ферментированной бобовой пасты (натто).

никого с ее фамилией не попадалось ни разу. Так постепенно она привыкла чувствовать себя человеком, заброшенным в безбрежный океан и обреченным выплывать в одиночку.

Разъяснять, как пишется ее имя, вечно требовало кучу времени. Всякий раз, когда Аомамэ называла себя, собеседник задира брови и озадаченно глядел на нее. «Госпожа Синий Горошек?» Да-да, уточняла она. Так и пишете: иероглиф «Синий», потом «Горошек». И на работе, знакомясь с клиентами, постоянно ощущала себя не в своей тарелке. «Огорошенные» посетители принимали ее визитку, будто некое зловещее послание. Когда нужно было представляться по телефону, на другом конце провода часто хихикали. В больнице или в мэрии, где бы ни окликали ее громко, все вокруг поднимали головы, желая увидеть, как выглядит человек по имени Синий Горошек.

То и дело ее называли с ошибками. «Госпожа Зеленый Горошек?» – вопрошали в трубке. «Госпожа Соленый Горошек?» «Ну, почти...» – отвечала она и поправляла. Частенько слыша в ответ: «О, какая редкая фамилия!» Тридцать лет ее жизни были ухлопаны на объяснение своего имени и защиту от нелепых шуток по поводу «Синего Горошка». Родись я под другой фамилией, думала она, может, вся моя жизнь сложилась бы иначе? Скажем, живи я Танакой, Сато или Судзуки – глядишь, и сама была бы спокойней, и на мир вокруг смотрела бы куда снисходительнее? Кто знает...

Аомамэ закрыла глаза и погрузилась в музыку. Унисон духовых заполнил голову. Несмотря на приглушенную громкость, звук был глубоким и сочным. Приоткрыв глаза, Аомамэ взглянула на панель управления. Встроенная стереосистема гордо поблескивала черными гранями. Имени фирмы-изготовителя Аомамэ прочесть не смогла, но в том, что аппаратура солидная, можно не сомневаться. Туча непонятных кнопок, зеленые циферки на экране. С первого взгляда ясно: «хай-тэк». О том, чтобы такую игрушку установили в обычном корпоративном такси, даже думать не стоит.

Аомамэ еще раз обвела взглядом салон. Садясь в машину, она думала о своем и поначалу не обратила внимания, но эта машина и правда выглядела необычно. Отделка салона – вне всяких похвал, сиденья – просто не встать. Плюс ко всему – идеальная тишина. Звукоизоляция – высший класс, снаружи не слышно ни звука. Словно в кабинке студии звукозаписи, полностью защищенной от внешнего шума. Частное такси? Многие владельцы частных такси не жалеют денег на отделку своей машины. Аомамэ поискала глазами табличку с личными данными водителя, но не нашла. Однако и нелегальным такси не выглядит, как ни крути. Счетчик привинчен как полагается. Вот, уже наездили 2150 иен. Найти бы еще табличку с фамилией...

– Отличная машина, – сказала Аомамэ в спину таксисту. – Такая бесшумная. Как называется?

– «Тойота»! – охотно отозвался водитель. – «Краун», королевский салон.

– Музыка очень здорово слушается.

– Верно, тихая машина. Я, собственно, за это ее и выбрал. Все-таки звукоизоляция у «Тойоты» лучшая в мире!

Аомамэ кивнула. И устроилась на сиденье поудобнее. В речи таксиста чудилось что-то странное. Будто он собирался сказать куда больше, но недоговаривал. Например (кроме как «например» других аргументов у нее не нашлось): «По части звукоизоляции с «Тойотой», конечно, никто не сравнится, но есть у нее проблемы, о которых я промолчу». И пауза, повисшая вслед за этим, вобрала в себя, точно губка, всю недосказанность. Крохотное облачко смысла, не выраженного словами, дрейфовало посреди салона и никак не давало успокоиться.

– Действительно, очень тихая, – повторила Аомамэ, пытаясь отследить, куда это облачко поплывет. – Да и стерео, похоже, высший класс?

– Когда машину выбирал, нужно было на чем-то остановиться, – пояснил водитель тоном ветерана, вспоминающего историческое сражение. – В итоге решил, что, если проводишь столько времени за рулем, очень важно слушать *качественные* звуки. Ну и опять же...

Аомамэ ждала продолжения. Но его не последовало. Она снова закрыла глаза и погрузилась в музыку. Что за человек был Яначек, она не знала. Но, конечно, о том, что его музыку будут слушать в «Тойоте-Краун Ройял Салон» посреди жуткой пробки на Токийском хайвэе 1984 года, он и представить себе не мог.

И все-таки, удивилась Аомамэ, откуда я помню, что это – «Симфониетта» Яначека? И почему так уверена, что ее сочинили в 1926 году? Я ведь и классикой-то особо не увлекаюсь. И Яначека специально никогда не слушала. Но как только зазвучало вступление, память вывалила целый ворох информации. Словно стая птиц ворвалась в дом через распахнутое окно. Ничего неприятного или болезненного. Просто весь организм непостижимо реагировал на эту музыку, выдавая воспоминание за воспоминанием. Ну и дела, поражалась она. С чего бы какая-то «Симфониетта» так странно влияла на меня?

– Яначек, – произнесла Аомамэ почти машинально. Почему-то вдруг показалось, что нужно сказать это вслух.

– Простите? – не понял водитель.

– Яначек. Человек, который сочинил эту музыку.

– Не слышал.

– Чешский композитор.

– Ишь ты! – с интересом отозвался водитель.

– У вас частное такси? – спросила Аомамэ, чтобы сменить тему.

– Да, – кивнул таксист. И, помолчав немного, продолжил: – Сам свой бизнес веду. Эта машина уже вторая.

– Сиденья очень уютные.

– Спасибо! Кстати, госпожа... – Водитель на секунду обернулся. – Вы сильно торопитесь?

– У меня деловая встреча на Сибуэ³, – ответила она. – Вот и решила поехать по скоростной.

– Во сколько встреча?

– В полпятого.

– Сейчас три сорок пять... Боюсь, не успеете.

– Такая ужасная пробка?

– Впереди, похоже, крупная авария. Обычно здесь так не застревают. С тех пор как вы сели, мы с места почти не сдвинулись.

Странно, что он не следит за радиосводкой дорожных ситуаций, подумала Аомамэ. Токийский хайвэй, судя по всему, парализовало. Нормальный таксист, по идее, должен отслеживать по радио, где и что происходит.

– И вы это знаете, даже не слушая радио? – уточнила она.

– Радио слушать смысла нет, – бесстрастно ответил водитель. – Половина дорожных сводок – чистое вранье. Автоинспекция сообщает только то, что удобно ей самой. Нам остается только оценивать реальную ситуацию и думать своей головой.

– То есть вы полагаете, пробка быстро не рассосется?

– Эта – надолго, – мирно кивнул таксист. – Гарантирую. Когда на кольце такой затор, пиши пропало. А что, важная встреча?

– Да, очень, – кивнула Аомамэ. – Переговоры с клиентом.

– Сочувствую. Очень жаль, но, скорее всего, не успеете.

Будто разминая затекшие плечи, таксист несколько раз покачал головой. Складки на его шее задвигались, точно у древней рептилии. Глядя на эту шею, Аомамэ вспомнила об остро заточенном инструменте у себя в сумочке. Ладони ее вспотели.

³ **Сибуя** – один из центральных районов Токио. Здесь и далее в главе упоминаются названия станций метро и, соответственно, административных районов японской столицы.

– Что же делать? – спросила она.

– Да ничего, – пожал плечами таксист. – Это же скоростная дорога. До следующего спуска никаких вариантов⁴. На обочине не сойдешь, на метро не пересядешь...

– И когда следующий спуск?

– На Икэдири. Но туда мы, боюсь, доберемся уже на закате.

На закате?! Аомамэ представила, что просидит в этом такси до заката. По-прежнему играл Яначек. Оркестр пригашивал духовые сурдинами, будто пытаясь унять чьи-то напряженные до предела нервы. Странное наваждение от музыки не отпускало Аомамэ. Что же все это значит, черт побери?

Такси она поймала недалеко от парка Кинута. У станции Ёга машина поднялась на Третью Скоростную. Сначала ехали нормально, но сразу после Сэнтягаи вляпались в жуткую пробку и с тех пор не продвинулись ни на километр. По встречной из центра машины бежали как ни в чем не бывало. И только тех, кто стремился в центр, словно разбил затяжной паралич. Четвертый час дня, пробок на Третьей Скоростной быть не должно. Почему Аомамэ и велела таксисту подняться сюда.

– На хайвэях плата за время не берется, – произнес таксист, глянув на отражение Аомамэ в зеркале заднего вида. – Так что о деньгах можете не беспокоиться... Но вам, как я понял, опаздывать нельзя?

– Конечно нельзя. А что, никакого выхода нет?

Водитель снова бросил взгляд в зеркало. Сквозь очки с бледно-серыми стеклами.

– Ну, не то чтобы совсем никакого... Есть один способ – я бы сказал, «аварийный». Можно спуститься вниз и добраться до станции Сибую на электричке.

– Аварийный?

– Официально его как бы не существует.

Аомамэ, прищурившись, молча ждала продолжения.

– Вон там впереди есть немного места, чтобы прижать машину, видите? – Таксист показал пальцем куда-то вперед. – Сразу под рекламой «Esso»...

Приглядевшись, Аомамэ и вправду различила слева от дороги пустое пространство для аварийной парковки. На полотне без обочин такие карманы попадались через каждые несколько километров. Со специальными желтыми телефонами, по которым можно звонить в администрацию Токийского хайвэя. В кармане под огромным рекламным щитом не было ни души. Только тигренок «Бензина Эссо» с призывной улыбкой размахивал заправочным пистолетом.

– На самом деле там есть лесенка вниз, – продолжал таксист. – Если случится пожар или землетрясение, все водители должны бросить свои машины и эвакуироваться по этой лесенке. Снизу до станции Сангэндзя два шага. А уж оттуда на Сибую за десять минут доберетесь.

– Никогда не слышала про пожарные выходы на хайвэях, – сказала Аомамэ.

– Да, о них мало кому известно, – кивнул таксист.

– Но разве это по правилам? Никакой ведь эвакуации не объявлено... А если поймают? Водитель выдержал паузу.

– Кто его знает, что там за правила. В деталях я и сам не разбираюсь. Но если подумать, вреда от этого никакого. А значит, и наказания можно не опасаться. Надзора за такими объектами, как правило, не ведется. Все знают: служащих в Дорожной ассоциации пруд пруди, а как до дела доходит – вечно рук не хватает...

– И что же там за лесенка?

⁴ Токийский хайвэй проложен на высоте 35 м над обычной автодорогой. Его двустороннее полотно на бетонных опорах не имеет пешеходных обочин и с обеих сторон огорожено защитными стенами или металлическим забором.

– Обычная пожарная. Помните, какие на старых многоэтажках сбоку приварены? Ничего опасного. Всех ступенек – этажа на три, спускаешься без проблем. Калитка на входе заперта, но ограда совсем не высокая, было бы желание – любой перелезет.

– Значит, вы уже спускались? – уточнила Аомамэ.

Таксист ничего не ответил. Только слабо улыбнулся в зеркале. Как хочешь, так и поймай.

– В общем, решайте. – Он легонько постучал в такт музыке пальцами по баранке. – Хотите провести в машине пару часов под хорошую музыку, я не против. Но если действительно спешите на важную встречу – *я бы не сказал, что выхода нет...*

Нахмурившись, Аомамэ скользнула взглядом по часам на руке. Подняла голову, огляделась. Справа громоздился черный «Мицубиси-Паджеро», покрытый тонким слоем белесой пыли. За рулем, скучая, курил в окно молодой парнишка. Длинноволосый, загорелый, в малиновой ветровке. Багажное отделение забито потертыми досками для виндсерфинга. Прямо перед ним застрял мышинный «Сааб-900». Затемненные стекла, наглухо закрытые окна. Ни малейшего шанса разглядеть, что за люди внутри. Вся машина до блеска отполирована. Встанешь рядом – можно смотреться, как в зеркало.

Перед их такси маячил красный «Судзуки-Альт» со вмятиной на бампере и номером округа Нэрима⁵. За рулем сидела молодая мать. Ее дочка лет четырех от нечего делать забралась на заднее сиденье с ногами и без остановки подпрыгивала. Оборачиваясь то и дело, измученная мамаша пыталась ее унять. Все, что она говорила, читалось по губам сквозь стекло. Та же картина, что и десять минут назад. Десять минут, за которые ничто никуда не сдвинулось.

Аомамэ собралась с мыслями. И выстроила все факты в порядке приоритетов. Долго решать не пришлось. Да и «Симфониетта» как раз подходила к концу.

Достав из сумки очки от солнца, Аомамэ нацепила их, выудила из бумажника три тысячные купюры и протянула таксисту.

– Я здесь выйду, – сказала она. – Опаздывать никак нельзя.

Водитель кивнул и взял деньги.

– Чек выписать?

– Не нужно. Сдачу оставьте себе.

– Спасибо! – улыбнулся водитель. – Ветер сильный, вы уж там поосторожнее. Смотрите не поскользнитесь.

– Постараюсь, – обещала она.

– Да, вот еще что! – добавил таксист, обращаясь к зеркалу. – Главное правило: «Все немного не так, как выглядит. Не верь глазам своим».

«Все немного не так, как выглядит», – повторила про себя Аомамэ. И нахмурилась:

– Вы о чем?

– Иначе говоря, – пояснил водитель, осторожно подбирая слова, – вы сами собираетесь выйти за грань обычного хода событий. Согласитесь, *обычные* люди не спускаются с хайвэя через пожарные выходы среди бела дня. Тем более женщины...

– Да уж, – согласилась Аомамэ.

– А поэтому, – продолжал таксист, – все, что случится дальше, будет выглядеть *чуть-чуть не так, как обычно*. У меня уже есть такой опыт, я знаю. Главное – не верь глазам своим. Настоящая реальность только одна, и точка.

Аомамэ озадаченно замолчала, пытаясь переварить услышанное. Тем временем оркестр отыграл «Симфониетту», зал взорвался овациями. Это была запись живого концерта. Яростные аплодисменты не смолкали. То и дело слышались крики «браво!». Перед глазами Аомамэ проплыл сияющий лик дирижера, отвешивающего перед публикой поклон за поклоном. Вот он

⁵ **Нэри́ма** – административный округ в пригороде Токио.

поднимает голову, жмет руку концертмейстеру, вот оборачивается, воздевает к небу ладони, приветствуя оркестр, и, вновь повернувшись к публике, сгибается в очередном поклоне. Когда слушаешь долгие аплодисменты не в жизни, а в записи, постепенно перестаешь воспринимать их как аплодисменты. И потом уже слышишь только шелест бесконечной песчаной бури на каком-нибудь Марсе.

– Реальность только одна. Всегда. Что бы с тобой ни происходило, – медленно, словно подчеркивая в тексте важную мысль, повторил водитель.

– Действительно, – согласилась Аомамэ.

А как же еще? Один объект может существовать только в одном месте и лишь в одном отрезке времени. Эйнштейн уже все это доказал. Реальность, куда ни кинь, – очень одинокая и холодная штука.

Она показала пальцем на стереосистему.

– Отличный звук, спасибо! – Водитель кивнул.

– Как, говорите, звали композитора?

– Яначек.

– Яначек... – повторил таксист. Слово и правда хотел запомнить это имя получше. Затем потянул за рычаг, и задняя дверь отворилась⁶. – Удачи вам. Желаю не опоздать на встречу.

Перекинув через плечо ремень кожаной сумки, Аомамэ вышла из машины. Вдогонку ей летели несмолкающие аплодисменты. С предельной осторожностью она двинулась по обочине к карману аварийной парковки метрах в десяти перед ней. От тяжелых грузовиков, что один за другим проносились по встречной, асфальт под ее каблучками гудел и вибрировал, словно она вышагивала по спине тяжело стонущего динозавра. Или по палубе авианосца, попавшего в семибалльный шторм.

Девчонка в красном «Судзуки-Альте» высунулась из окна и уставилась на Аомамэ, разинув рот.

– Мама, мама! – уже в следующую секунду канючила дочь, повернувшись к матери. – А что там делает тетя? Куда она пошла?... Ма-ам, я тоже хочу погулять! Можно, я тоже выйду?

Мать за рулем, стиснув зубы, лишь покачала головой. И смерила Аомамэ уничтожающим взглядом. Больше на происходящее никто никак не реагировал. Остальные водители просто курили – и с легким прищуром, словно боясь повредить себе зрение, следили, как Аомамэ пробирается между бетонной стенкой и застывшим караваном автомобилей. Никто, похоже, не спешил выносить какой-либо окончательной приговор. Все-таки пешеход на хайвэе, пусть даже и в жуткой пробке, – пока еще не самое обычное явление нашей жизни. И чтобы свыкнуться с этим, нужно какое-то время. Тем более, если этот пешеход – молодая девица на шпильках и в мини-юбке.

Подняв голову, распрямив спину и уверенно глядя вперед, Аомамэ вышагивала по асфальту под взглядами зевак, скучающих за баранками. Каблучки от Шарля Жордана выбивали звонкую дробь, полы коротенького плаща трепетали на бедрах, точно крылья. Несмотря на ранний апрель, ветер – ледяной и жестокий. На девушке юбка с жакетом из тонкой зеленой шерсти от Дзюнко Симеды, бежевый плащ и черная кожаная сумка через плечо. Волосы до плеч, аккуратная стильная стрижка. Никакой бижутерии. Рост чуть выше среднего, фигура – ничего лишнего. Каждая мышца этого тела превосходно закалена и подтянута. Пусть даже под плащом не разобрать.

Если взглянуть в лицо анфас, несложно заметить, что уши Аомамэ и формой, и размерами отличаются друг от друга. Правое крупнее и несколько вычурней левого. Но обычно этого никто не видел – уши она прятала под волосами. А губы сжимала так плотно, что ни

⁶ В большинстве японских такси задние двери для пассажиров открываются и закрываются автоматически.

у кого не оставалось сомнений: подружиться с их хозяйкой – задача не из простых. О том же говорили и точеный маленький нос, и слегка выпирающие скулы, и широкий овал лица, и прямые длинные брови. Тем не менее все в целом лицо гармонично. Ее даже красавицей можно назвать. Проблема в другом: на этом лице отсутствовало какое бы то ни было выражение. По упрямо поджатым губам, пока того не требовала ситуация, не пробегало ни тени улыбки. А холодный пытливый взгляд напоминал скорее прищур военно-морского инспектора, проверяющего порядок на палубе авианосца. Вот почему Аомамэ никогда не производила на людей ни малейшего *впечатления*. Ведь что ни говори, а в окружающих лицах нас куда сильнее привлекают естественность и живые эмоции, чем принципиально застывшее в Вечности отношение к добру и злу.

Общаясь с ней, практически каждый ощущал себя не в своей тарелке. Отведешь глаза – и уже не помнишь выражения лица собеседницы. Вроде бы нечто индивидуальное, а никаких деталей в памяти не остается. В этом смысле она походила на умело маскирующееся насекомое. Способность менять цвет и форму, чтобы вписаться в любой пейзаж; умение жить как можно неприметней, не задерживаясь в чужой памяти ни на секунду, – вот залог ее выживания. Лишь этим она и привыкла защищать себя с самого раннего детства.

Между тем, стоило Аомамэ хоть немного нахмуриться, как вся утонченность ее образа улетала в тартарары. Все лицо перекашивало так, будто злобные думы стремились растащить его в разные стороны; диспропорция между левой и правой частями, едва уловимая до сих пор, усиливалась до предела; кожа покрывалась глубокими морщинами, глаза разъезжались к вискам, нос и губы скрючивались, подбородок вваливался, а рот растягивался, обнажая хищный белозубый оскал. Как будто у маски, скрывавшей это лицо, оборвались тесемки: маска упала, а ее хозяйка вдруг оказалась совершенно другим человеком. У тех, кому довелось наблюдать всю жуть подобной метаморфозы, душа уходила в пятки. Настолько страшным казался этот прыжок: из полной безликости – в настоящую геенну страстей, от которых перехватывает дыхание. Вот почему Аомамэ старалась никогда не высказывать недовольства на людях.

Дошагав до аварийной стоянки, она остановилась и поискала глазами пожарную лестницу. Та обнаружилась сразу. Как и сказал таксист, выход был огорожен металлическим забором чуть выше пояса – с воротами, запертыми на замок. Конечно, лезть через такую ограду в тугой мини-юбке – занятие не из приятных; но если забыть, что на тебя пялятся со всех сторон, ничего сложного здесь нет. Недолго думая, Аомамэ стянула с ног шпильки, затолкала в сумку. Если дальше идти босиком, чулкам не выжить. Ну и ладно. Новые можно купить в любом супермаркете.

Люди в машинах молча таращились на то, как она разувается, как расстегивает пуговица за пуговицей короткий бежевый плащ. Из открытого окна «Тойоты-Селики», застрявшей тут же, Майкл Джексон нервным фальцетом распекал свою Билли Джин. Прямо стрип-шоу какое-то, пронеслось у нее в голове. Плевать! Глазуйте, ребята. Скучно небось застрять в пробке на черт знает сколько часов? Вы уж простите, но дальше я раздеваться не стану. В сегодняшней программе – только шпильки да плащ. Пардон, господа. Не взывайте.

Чтобы не потерять сумку, Аомамэ перекинула ремень через голову и подтянула пряжку повыше. «Тойота-Краун» с королевским салоном, в котором она приехала, маячила далеко позади. Послеобеденное солнце плескалось в стекле, будто в зеркале. Лица таксиста Аомамэ не видела. Но в том, что он наблюдал за ней, можно было не сомневаться.

Главное – не верь глазам своим. Настоящая реальность только одна, и точка.

Аомамэ глубоко вздохнула. И под навязчивое уханье «Билли Джин» полезла через забор. Мини-юбка тут же задралась до бедра. Ну и дьявол с ней. Пускай себе пялятся сколько влезет. Что бы там ни разглядели под моей юбкой, в душу ко мне все равно не забраться. А бедра такие, что и показать не стыдно.

Перебравшись через забор, Аомамэ одернула юбку, отряхнула от пыли ладони, надела плащ, перекинула сумку через плечо. И деловито поправила темные очки на носу. Пожарная лестница – прямо перед ней. Выкрашенная серой краской. Простая, как лом: все, что нужно для спасения, ничего лишнего. Для спуска в чулках и мини-юбках не предназначена. Да и Дзюнко Симада вряд ли разрабатывала свой дизайн с учетом особенностей пожарных лестниц Токийского хайвэя. Асфальт под пятками дрожал от тяжелых грузовиков, проносившихся за спиной. Стылый ветер выдувал свою унылую песню сквозь щели металлического забора. Но лестница не исчезала. Теперь нужно всего лишь спуститься по ней на землю.

В последний раз оглянувшись на автомобили – слева направо, справа налево, – Аомамэ ощутила себя профессором, который закончил лекцию и, все еще стоя за кафедрой, ожидает вопросов из зала. С момента, когда она вышла из машины, никто не продвинулся ни на метр. Людям, не способным тронуться с места, остается только наблюдать за чужими попытками сдвинуться хоть куда-то. «Что еще задумала эта чертовка?» – гадают они. Перемешивая интерес с безразличием и зависть с пренебрежением, эти люди тщательно отслеживают каждое движение тех, кто все-таки перебирается через проклятый забор. Их внутренние весы качаются, и они робко голосуют то «за», то «против», так ни к чему в итоге не приходя.

Тяжкое безмолвие затопило собой все вокруг. Парализованные студенты не задавали вопросов (а если б и задали, отвечать она все равно бы не стала). Эти люди молча ждали шанса, поймать который им было не суждено. Задрав подбородок и закусив губу, Аомамэ через темные очки изучала аудиторию.

Кто я такая, куда сейчас пойду и зачем, вы даже представить себе не можете. Все вы застрянете здесь – люди, не способные двинуться ни вперед, ни назад. А у меня, уж простите, важные дела. Лично мне движение вперед обеспечено.

На прощанье Аомамэ ужас как захотелось скорчить всем этим водителям свою коронную недовольную мину. Но она передумала. Не время сейчас для глупостей. Слишком долго и хлопотно потом возвращаться к своему настоящему «я».

Отвернувшись от молчащей аудитории, Аомамэ осторожно ступила голыми пятками на холодные металлические ступени. Ранний апрельский ветер теребил ее волосы, и причудливой формы левое ухо то и дело выглядывало наружу.

Глава 2

Тэнго

Немного другая идея

Самое раннее воспоминание в жизни Тэнго: ему полтора года от роду. Его мать, спустив бретельки у белоснежной комбинации, дает какому-то дяде, совсем не его отцу, сосать свою грудь. Рядом стоит кровать, в ней младенец – видимо, сам Тэнго. Он как будто видит себя со стороны. Или это его брат-близнец? Да нет, не может быть. Скорее всего, он сам. Тэнго чувствует это инстинктивно. Младенец тихонько посапывает с закрытыми глазами. Это первое, что помнит о себе Тэнго. Сценка длиною в какие-то десять секунд накрепко впаяна в его подсознание. Ничего до – и ничего после. Видение маячит в его памяти, ни с чем не связанное и одинокое, как шпиль часовой башни в городе, затопленном наводнением.

При любом удобном случае Тэнго интересовался у окружающих, с какого возраста они себя помнят. Большинство отвечали: лет с четырех, с пяти. Самое редкое – с трех. Раньше этого никому ничего не вспоминалось. Выходило, что детям с рождения нужно никак не меньше трех лет, чтобы научиться осмысливать вещи и события вокруг себя более-менее рационально. До этой ступени развития все, что они видят, кажется бессмысленным хаосом, не подвластным их пониманию. Мир представляется им водянистой, размазанной кашцей без какой-либо сути, объяснения и опоры. Ни в какие воспоминания он не превращается. Лишь мельтешит да исчезает за окном – невнятная картинка за картинкой.

Что может значить картинка, на которой незнакомый дядя сосет грудь его матери, Тэнго, разумеется, в полтора года осмыслить не мог. Здесь уж без вариантов. Поэтому, если допустить, что память ему не врет, – скорее всего, клетки его мозга просто сохранили эту сцену без какого-либо понимания. Примерно как фотокамера механически фиксирует на пленке сочетания света и тени объектов. А уже потом, когда память стала развиваться и крепнуть, визуальный ряд, застрявший в подкорке, начал подвергаться анализу и обрастать оттенками смыслов. Но разве такое возможно на самом деле? Разве мозг грудного младенца способен сохранять подобные сцены?

А может, это просто ложное воспоминание? Может, подкорка смоделировала это видение гораздо позже, и для каких-то своих, подсознательных целей? О синдроме ложной памяти Тэнго тоже думал. Но после долгих размышлений пришел к выводу: вряд ли. Уж слишком яркая и правдоподобная сцена, такого не сочинишь. Эти свет, запах, пульс... Слишком натурально для подделки. А если представить, что все это было на самом деле, многие вещи и события в жизни Тэнго получали должное объяснение. Как логически, так и психологически.

Это коротенькое – всего на несколько секунд, – но отчетливое видение являлось ему то и дело вот уже много лет. Без каких-либо предварительных симптомов и остаточных ощущений. Не стучась. Где бы Тэнго при этом ни находился – в электричке или перед исписанной формулами доской, в университетской столовой или посреди разговора с кем-нибудь (совсем как сегодня), – видение вставало перед глазами, точно цунами, беззвучное и такое неотвратимое, что немели конечности. Время останавливалось. Воздух густел, становилось нечем дышать. Всякая связь с людьми и предметами вокруг обрывалась. Исполинская волна накрывала Тэнго с головой, наглухо изолируя от всего мира, но сознание работало ясно. Просто переключалась некая стрелка, и его уносило в какую-то иную реальность. Все чувства обострялись. Страх не было. Но глаза не открывались, хоть убей. Веки словно заперты на замок. Окружающие звуки слышались все слабее. И наконец – в который уж раз! – на экране сознания выступало привычное изображение. Кожа покрывалась испариной. Сорочка под мышками намокала, хоть

выжимай. Тело бросало в мелкую дрожь. Сердце, колотясь все быстрее, чуть не выскакивало из груди.

Если в такую минуту с ним рядом оказывался кто-то еще, Тэнго делал вид, что у него закружилась голова, когда он собирался встать. Со стороны это и правда походило на обычное головокружение. Главное – переждать, пока не отпустит волна. Он доставал из кармана платок, прижимал к губам и застывал на месте как каменный. Если успевал, махал собеседнику рукой – ерунда, мол, не стоит беспокоиться. Иногда приступ заканчивался секунд через тридцать, иногда длился дольше минуты. Но все это время перед его мысленным взором прокручивалась одна и та же сцена – раз за разом, точно видеопленка, поставленная на повтор. Его мать спускает бретельки комбинации, и какой-то чужой дядя целует ее твердые набухшие соски. Мать закрывает глаза, дышит глубоко и прерывисто. Ностальгически пахнет ее молоком. Обоняние – острейшее чувство младенца. Запахи объясняют ему очень многое. Практически все, что нужно. Звуков не слышно. Он различает только слабое биение своего сердца.

Смотри сюда, – говорят ему эти люди. – Смотри только сюда. Ты здесь, ты никуда отсюда не денешься.

И послание это повторяется без конца.

На сей раз приступ затянулся дольше обычного. Как всегда, Тэнго закрыл глаза и, прижимая к губам платок, просидел, как каменный, со стиснутыми зубами. Сколько времени прошло, он не знал. Об этом можно было лишь догадываться по общей усталости тела. Сегодня его измочалило, как никогда прежде. Открыть глаза удалось далеко не сразу. Сознание уже требовало пробуждения, но мышцы и внутренние органы протестовали. Как у медведя, случайно выпавшего из спячки среди зимы.

– Тэнго, дружище! – позвал его кто-то. Голосом размытым и далеким, точно со дна колодца. Постепенно он сообразил, что именно так звучит его имя. – Да что с тобой? – звучало все ближе и ближе. – Опять прихватило? Ты живой?

Наконец он открыл глаза. Уперся взглядом в правую руку, сжимавшую край скатерти. Убедился, что мир пока не рассыпался на молекулы и что сам он, Тэнго, все еще в этом мире находится. И хотя конечности еще плохо подчинялись сознанию, в том, что это его рука, можно было не сомневаться. Он почуял запах своего пота. Резкий и грубый, точно из клетки с животными в зоопарке. Тем не менее так пахло его собственное тело. Это было ясно как день.

В горле пересохло. Тэнго протянул руку к столу, взял стакан с водой и выпил половину, стараясь не расплескать. Выдержал небольшую паузу, допил до дна. Сознание постепенно возвращалось куда положено, чувства приходили в порядок. Вернув опустевший стакан на стол, он вытер губы платком.

– Прошу прощения, – сказал он. – Теперь все в порядке.

И, взглянув на собеседника, удостоверился, что перед ним – именно Комацу, а не кто-либо другой. В этой кофейне на Синдзюку они встречались по делу. Голоса окружающих посетителей звучали отчетливей. Парочка за соседним столиком испуганно оглядывалась на них – дескать, что происходит? Неподалеку, точно патруль, с озабоченным видом маячила официантка. Явно беспокоилась, не придется ли убирать чью-то рвоту. Тэнго поднял голову и, поймав ее взгляд, улыбнулся. Все в порядке, милая. Не о чем волноваться.

– Это что у тебя, эпилепсия? – спросил Комацу.

– Ерунда, – ответил Тэнго. – Иногда голова кружится, если встаю. Неприятная штука, но ничего страшного.

Собственный голос пока еще казался ему чужим. Хотя в нем уже угадывались знакомые интонации.

– Не дай бог, тебя за рулем так прихватит, – сказал Комацу, глядя Тэнго прямо в глаза. – Костей не соберешь.

– Я не вожу машину.

– Вот это правильно, – кивнул Комацу. – У одного моего приятеля аллергия на тополиный пух. Однажды за рулем так расчихался, что въехал в столб. Хотя в твоём случае, конечно, одним чихом не отделаешься. Когда я впервые тебя таким увидел – знаешь, как испугался! Со второго-то раза уже привыкаешь...

– Виноват.

Тэнго взял со стола чашку с кофе, отпил глоток. Никакого вкуса не почувствовал. Остывшая черная жидкость прокатилась по горлу и унеслась в пищевод.

– Может, воды попросить? – предложил Комацу.

Тэнго покачал головой:

– Не стоит. Уже все в порядке.

Комацу извлек из кармана пиджака пачку «Мальборо», вытянул сигарету, прикурил от ресторанных спичек. И скользнул взглядом по часам на руке.

– Так на чем мы остановились? – уточнил Тэнго. Пора возвращаться в реальность, да поскорее.

– Э-э... Хороший вопрос. О чем же мы говорили? – Комацу уставился в пространство перед собой. – Ах да! О девчонке по кличке Фукаэри⁷, которая сочинила «Воздушный кокон».

Тэнго кивнул. Точно, Фукаэри и «Воздушный кокон». Как раз когда он заговорил об этом, с ним и случился проклятый приступ. Тэнго достал из портфеля рукопись, положил на стол. И погладил ладонью, будто проверяя качество текста на ощупь.

– Как я и сказал вам по телефону, главная ценность этой работы – в том, что ее автор не хочет никому подражать, – продолжил Тэнго, тщательно подбирая слова. – Для начинающих писателей это большая редкость. Ни одной фразы, в которой автор хочет быть на кого-то похожим. Конечно, сам текст ужасно неровный. Словарный запас беднее некуда. Даже в названии романа, насколько я понял, имелся в виду не кокон, а куколка. И если задаться целью, для редакции здесь край непаханный. Но в то же время роман заключает в себе нечто по меньшей мере весьма притягательное. Сюжет – абсолютная выдумка, но детали прописаны так реалистично, что становится не по себе. Именно этот баланс выдержан очень здорово. Уж не знаю, авторская ли это задумка или неизбежный итог примитивизма как метода письма. Возможно даже, сама вещь недотягивает до того, чтобы обсуждать ее на таком уровне. Но чем дальше читаешь, тем устойчивей ощущение какой-то сокровенной, внутренней глубины. Пускай автор и не нашел нужных слов, чтобы выразить это как следует...

Комацу, ни слова не говоря, глядел на Тэнго в упор. Так, словно ждал продолжения.

– В общем, – продолжил Тэнго, – не хотелось бы исключать эту рукопись из шорт-листа лишь за то, что она кое-где сыровата. За последние годы я на этой работе прочел столько текстов, что и не сосчитать. Пускай глубоко и не вчитывался – так, глазами пробежал. Попадались и сравнительно талантливые вещи, и совершенно бездарные. Вторых, конечно, подавляющее большинство. Но такого ощущения, как от «Воздушного кокона», я не испытывал еще никогда. Впервые, дойдя до последней страницы, захотел перечитать все сначала.

– Хмм... – протянул Комацу. И с безучастной физиономией закурил очередную сигарету.

Однако за много лет их общения Тэнго хорошо усвоил: на мимику в беседе с Комацу ориентироваться нельзя. Выражение на этом лице было, как правило, неадекватным, а то и совершенно противоположным тому, что его хозяин думал на самом деле. Поэтому Тэнго терпеливо ждал, когда Комацу заговорит.

– Вот и я прочел, – сказал Комацу, выдержав долгую паузу. – Сразу после твоего звонка, сел и прочел... Нет, брат. Как ни крути, а текст безобразный просто до ужаса. С грамматикой

⁷ В тексте псевдоним Фукаэри прописывается фонетической азбукой (без иероглифов) и прежде всего ассоциируется со словосочетанием «фу-каэри» (яп.) – «возврата нет».

проблемы на школьном уровне. Местами полная ахиня – вообще непонятно, что хочет выразить. Да ей бы элементарным основам письма подучиться, прежде чем роман городить!

– Тем не менее вы прочли *до конца*. Так или нет? – Комацу улыбнулся. Странно так, будто выудил улыбку из шкафчика, который обычно предпочитает не открывать.

– Верно! Прочел до конца. Даже сам удивился. Чтобы я до конца прочел рукопись из шорт-листа премии «Дебют»? Ни разу такого не было. А тут еще и перечитал местами. Парад планет – и тот чаще случается, ей-богу! Здесь ты прав, это я признаю...

Комацу положил сигарету на край пепельницы, почесал нос. И оставил вопрос Тэнго без ответа.

– Эта девочка еще старшеклассница, – продолжал Тэнго. – Ей всего семнадцать. Никакого опыта – ни читательского, ни писательского – у нее просто быть не может. Конечно, премию «Дебют» на этот раз ей присудят едва ли. Но сама рукопись стоит того, чтобы остаться в списке финалистов. С вашими опытом и авторитетом этого добиться несложно. А уж сам этот факт непременно подвигнул бы ее написать что-нибудь еще.

– Хмм... – опять протянул Комацу. Затем, скучая, зевнул. И отпил воды из стакана. – Подумай сам, дружище. Представь, что мы оставили этот жуткий текст в финальном списке номинаций. Да у членов жюри глаза на лоб вылезут! Они просто взбесятся, я уверен. Прежде всего, никто не прочтет это даже до середины. Все четверо – известные писатели, у каждого дел по горло. Пробегут глазами пару-тройку страниц и выкинут в мусор. Сочтут очередной подростковой белибердой. Даже выступи я с пламенной речью об алмазах, которые засияют, если их огранить, кто меня будет слушать, ты что? Поверь, мой опыт с авторитетом, уж если они есть, стоит расходовать на что-нибудь перспективнее.

– Иначе говоря, в шорт-лист эта рукопись не попадет?

– Я такого не говорил, – произнес Комацу и снова почесал нос. – Насчет этой рукописи у меня... э-э... немного другая идея.

– Немного другая идея? – повторил Тэнго. В этой странной формулировке чудилось что-то неправильное.

– Ты надеешься, что Фукаэри напишет что-то еще, – сказал Комацу. – Я тоже хотел бы на это надеяться. Для любого редактора нет большей радости, чем вырастить из начинающего автора крепкого писателя. Это, можно сказать, удел моей жизни – вглядываться поглубже в ночное небо, мечтая открыть миру новую звезду... Да только скажу тебе откровенно: вряд ли у этой девочки есть какое-то будущее. Я редакторским горбом уже двадцать лет на жизнь зарабатываю. За это время сотни, тысячи авторов то рождались на моих глазах, то уходили в туман. Худо ли, бедно, а различать, у кого есть будущее, а у кого нет, мои глаза научились. Так вот, на мой персональный взгляд, эта девчонка больше никогда ничего не напишет. Увы! Ни сейчас, ни потом. В ее тексте не ощущается самого главного: времени и усилий, затраченных на шлифовку произведения. Если этого не хватает с самого начала, как ни надейся, сколько ни жди, все бесполезно. Почему? Да потому, что у автора напрочь отсутствует само желание выдавать качественные тексты и становиться мастером своего дела. Умение писать тексты дается людям либо от бога, либо ценою титанической работы над собой. У этой же девчонки, Фукаэри, я не наблюдаю ни того ни другого. Ее писанину не назовешь ни талантливой, ни кропотливой. Почему – не знаю. Но создавать хорошие тексты ей неинтересно. Желание рассказать историю – есть, даже очень сильное. Это я признаю. Собственно, это ее дикое, необузданное желание высказаться и привлекло тебя, а меня даже заставило в кои-то веки дочитать чей-то текст до конца. В каком-то смысле это уже немало. Но писательское будущее этой девчонке не светит. Клопьяная возня. Прости, если я тебя расстроил, но таково мое мнение – без реверансов и без прикрас.

Тэнго задумался. Доводы Комацу отчасти казались ему справедливыми. Чего-чего, а редакторского чутья его собеседнику не занимать.

– И все-таки разве это плохо – дать человеку шанс? – спросил Тэнго.

– То есть? Бросить его в воду и смотреть, выплывет или утонет? – уточнил Комацу.

– Грубо говоря, да.

– Этим способом я загубил уже много судеб. И наблюдать, как погибают очередные недотепы, больше не хочу.

– Ну а в случае со мной?

– Твой случай, дружище, особый, – ответил Комацу, осторожно подбирая слова. – Ты, по крайней мере, умеешь стараться. Насколько я наблюдал до сих пор, ни одного заказа ты еще не выполнил спустя рукава. В диком рабстве ваятеля текстов ты покорно влачишь свою ношу. Почему? Да потому, что любишь само это занятие. Что я не могу не ценить. Любовь к печатному слову – важнейшая составляющая писательского ремесла.

– Но этого недостаточно.

– Разумеется. Одного этого мало. Необходимо еще и «нечто особенное». Любая фишка, которая заставит меня вгрызаться дальше, а не откладывать книгу в сторону. И если уж говорить начистоту, из всех авторов я выше всего ценю лишь тех, кто заставляет лично меня читать не отрываясь. Отложил книгу в сторону – все! Значит, больше неинтересно. Ну разве не так? Очень просто. И никаких объяснений не требуется.

Тэнго выдержал долгую паузу. И лишь затем раскрыл рот:

– Ну а в рукописи Фукаэри вас что-нибудь заставило читать не отрываясь?

– Ну, э-э... Да, конечно. Эта девочка определенно улавливает что-то важное. Трудно сказать, что именно. Нечто, совпавшее с душой читателя. Мы ведь оба с тобой это почувствовали, согласен? Но все-таки, дружище, признайся: то, что она улавливает нутром, гораздо сложнее, чем ей удастся выразить.

– Иначе говоря, ей не выплыть?

– К сожалению, – кивнул Комацу.

– И поэтому она не войдет в шорт-лист?

– А вот здесь погоди. – Скорчив замысловатую гримасу, Комацу сцепил на столе ладони. – Здесь мне нужно очень точно сформулировать задачу...

Тэнго взял со стола чашку с кофе, заглянул в нее. Вернул на стол. Комацу все молчал.

– Вы хотите сказать, – уточнил Тэнго, – что ваша «немного другая идея» превращается в генеральный план?

Комацу поглядел на него с одобрительным прищуром. Как смотрит преподаватель на подающего надежды ученика. И неторопливо кивнул:

– Именно так.

Характер Комацу являл собой нечто трудноопределимое. Что у этого типа на уме, ни с лица, ни по интонациям в разговоре не считывалось, хоть тресни. Да и сам он, похоже, развлекался, наблюдая, как окружающие блуждают в том дыму, что он напустил. Человек безусловно острого ума, он не оглядывался на мнение остальных и принимал решения, руководствуясь исключительно собственной логикой. Он никогда не щеголял своей эрудированностью без нужды, но прочел уйму книг и был настоящим экспертом в самых разных областях человеческой жизни. Помимо знаний как таковых, он обладал и редким чутьем на людей и на тексты, которые те сочиняют. И хотя его суждения часто строились на предвзятостях, свои предвзятости он считал важным фактором для определения истины в последней инстанции.

От природы немногословный, Комацу терпеть не мог тратить время на лишние объяснения; однако при необходимости мог изложить свое мнение доходчиво и логично. И если, по его разумению, того требовала ситуация, становился язвительным до садизма: без ошибки нащупывал самые слабые стороны собеседника – и пригвождал его парой коротких и точных слов. Как людей, так и тексты он оценивал во многом исходя из личных пристрастий. Счаст-

ливчиков, которым он дал в жизни «зеленый свет», всегда было несколько меньше, чем бедолаг, которых он «забраковывал». Неудивительно, что люди платили ему той же монетой: тех, кто его недолюбливал, всегда было несколько больше тех, кому он был симпатичен. Такой расклад, впрочем, самого Комацу вполне устраивал. Насколько мог видеть Тэнго, этот тип любил свое одиночество и от всей души развлекался, наблюдая за тем, как именно его уважают, а как ненавидят. Явно из тех упертых, чье жизненное кредо сводится к лозунгу: «Силу духа в тепличных условиях не закалить».

Сорокапятилетний Комацу был старше Тэнго на шестнадцать лет. Один из редакторов «толстого» литературного журнала, достаточно известный в издательских кругах – и наглухо закупоренный во всем, что касается личной жизни. С кем бы ни общался он по работе, беседа никогда не переходила на что-либо персональное. Откуда Комацу родом, в какой среде вырос, где проживает сегодня, было Тэнго неведомо. Сколько с ним ни болтай, подобных вопросов не всплывало ни разу. Пренебрежительно отзываясь о литературных авторитетах, Комацу умудрялся обескураживать собеседников настолько, что те отдавали ему свои рукописи, покорные, как овечки; в итоге он всякий раз собирал свой редакторский портфель из авторов, известных достаточно, чтобы его журнал процветал. Так ему удавалось оставаться в центре внимания, даже не пользуясь ничьей особой любовью.

Ходили слухи, что в 60-м году Комацу, учась на литфаке Токийского университета, входил в Оргкомитет студенческого неповиновения⁸. И когда при разгоне демонстрации от рук полицейских погибла Митико Камба⁹, он находился в двух шагах от нее и даже покалечился. Насколько это правда, не знает никто. Но по внешним признакам вроде бы все сходилось. Долговязый, болтливый, с маленьким носом. Длинные руки, пальцы в пятнах от никотина. Классический интеллигент-бунтарь, каким его описывали в русской литературе XIX века. Почти никогда не смеется, но если уж улыбается, так от уха до уха. Хотя радостной его улыбку назвать очень трудно. Усмешка старого колдуна над собственным предсказанием конца света. Одевается опрятно, но так, словно хочет заявить всему миру: мне совершенно плевать, как я одеваюсь. Одежда всегда одинаковая: заурядный пиджак, белая или серая рубашка без галстука, серые брюки, классические черные туфли – вот и все, что составляло его гардероб. Так и представляется шкаф, где висит полдюжины пиджаков разного цвета, выделки и покроя. С номерами для каждого дня недели, чтобы не перепутать.

В волосах его, похожих на тонкую проволоку, спереди уже пробивалась седина. Под разлохмаченными патлами прятались уши. Когда бы Тэнго ни встретил его, Комацу выглядел так, будто ему уже с неделю пора в парикмахерскую. Как такое возможно, для Тэнго всегда оставалось загадкой. Глаза пытливые и пронзительные, словно звезды в зимней ночи. Если Комацу вдруг замолкает, его молчание кажется гробовым, как безмолвие скал на другой стороне Луны. Ни теплоты, ни эмоций на лице у этого человека практически не осталось.

Тэнго и Комацу познакомились пять лет назад. Комацу был редактором журнала, учредившего литературную премию для начинающих авторов, а Тэнго со своей повестью оказался в финальном списке дебютантов. Однажды Комацу позвонил ему и сказал, что нужно поговорить. Они встретились в кофейне на Синдзюку (там же, где и сейчас).

– На этот раз, похоже, премия тебе не светит, – сказал ему Комацу (премии Тэнго и правда не получил). – Но лично мне твоя повесть понравилась. Это я не из вежливости говорю.

⁸ В 1960 г. по всей Японии прокатилась волна студенческих протестов против войны во Вьетнаме и заключения нового Соглашения о безопасности между Японией и США. Студенты отказывались посещать лекции, захватывали университетские городки, строили баррикады и сопротивлялись полиции. Лидером этого движения стал Токийский университет с его Оргкомитетом студенческого неповиновения, куда входили наиболее активные бунтари-студенты, а также несколько радикально настроенных преподавателей.

⁹ Студентка Токийского университета Митико Камба погибла от рук полиции 15 июля 1960 г. во время разгона очередной студенческой демонстрации протеста. Ее смерть явилась ключевым событием в истории японского общества 60-х.

Я вообще крайне редко хвалю кого бы то ни было. – (Как впоследствии понял Тэнго, так оно и было.) – Я хочу, чтобы ты показывал мне то, что напишешь дальше. Прежде, чем это прочитает кто-либо еще.

– Хорошо, – согласился Тэнго.

Тогда же Комацу захотел подробнее узнать о его жизни. Где родился, в какой семье вырос, чем занят сейчас. Скрывать Тэнго было нечего, отвечал он искренне, как только мог. Родился в префектуре Тиба, в городке Итикава. С младенчества рос без матери – умерла от какой-то хвори. По крайней мере, так ему рассказывал отец. Ни сестер, ни братьев. Отец так больше ни на ком и не женился, сына вырастил в одиночку. Всю жизнь папаша прослужил сборщиком взносов за телевидение «Эн-эйч-кей»¹⁰, но к старости заработал болезнь Альцгеймера, и Тэнго пристроил его на постоянное лечение в частный санаторий на мысе Босо. Сам Тэнго закончил университет Цукуба по странной специальности «Прикладная математика в рамках естественно-научного познания мира» – и теперь, работая преподавателем в колледже для подготовки абитуриентов, в свободное время писал повести и рассказы. По окончании вуза у него был шанс устроиться на достойную службу в префектуральной школе по месту жительства. И все же он решил выбрать жизнь посвободнее: преподавать – но так, чтобы все-таки оставалось время. Местом для такой жизни он выбрал небольшую квартирку на Коэндзи¹¹.

Хотел бы он стать профессиональным писателем? На этот вопрос ответа у Тэнго не было. Он даже не мог сказать, есть ли у него писательский дар. И тем не менее не мог не писать хоть что-нибудь каждый день. Так же, как не мог не дышать. Может, поэтому Комацу не столько делился впечатлениями от прочитанного, сколько интересовался его личной жизнью?

Сложно сказать, из-за чего Комацу питал к Тэнго симпатию. Роста парень был выше среднего (со школы до вуза лидировал в секции по дзюдо), лицом напоминал крестьянина, который день за днем просыпается ни свет ни заря. Коротко стриженный, отчего-то всегда загорелый, с ушами, похожими на цветную капусту, он вовсе не выглядел ни литератором, ни учителем математики. Возможно, это и привлекло в нем Комацу. Всякий раз, написав новый текст, Тэнго относил его Комацу, тот читал и делился замечаниями. Критику автор учитывал и исправлял все как нужно. Затем опять показывал редактору, и тот снова вычитывал. Словно тренер, поднимающий воспитаннику планку все выше и выше.

– Для таких, как ты, нужно время, – повторял Комацу. – Но торопиться особо некуда. Главное – продолжай писать. Каждый день, без перерывов и выходных. Все, что напишешь, сохраняй. Когда-нибудь еще пригодится.

– Хорошо, – отвечал Тэнго.

Кроме этого, Комацу то и дело подбрасывал ему небольшие издательские заказы. Мелкие «рирайты» для безымянных женских журналов, анонсы новых книг или фильмов, а то и банальные гороскопы – все, что ему ни поручалось, Тэнго выполнял скрупулезно и в срок. Составленные им гороскопы даже привлекали особое внимание, ибо сбывались чаще других. Стоило ему написать «опасайтесь землетрясения», как уже на следующее утро где-нибудь и правда трясло. Вся эта поденщина обеспечивала ему неплохой приработок, а также помогала оттачивать писательское мастерство. Что бы ни настроил, а всегда приятно увидеть свой текст напечатанным и выставленным на полке в журнальном киоске.

¹⁰ Одна из самых парадоксальных и неблагодарных профессий современной Японии, своеобразный анахронизм. Каналы государственных радио и телевидения «NHK» существуют на деньги, которые приходится собирать с населения. Но доказать факт того, что кто-то смотрит и слушает именно каналы «NHK», а не какие-либо другие, на практике очень сложно. Многие японцы отказываются платить эту подать, утверждая, что вообще не смотрят телевизор (а порой так оно и есть). Совершая ежемесячные обходы квартир, сборщики взносов то и дело конфликтуют с населением, взывая к совести, но все чаще уходят с пустыми руками.

¹¹ Коэндзи – спальный район и станция метро на юге Токио.

Со временем ему стали поручать и отбор рукописей для конкурса дебютантов. Хотя сам Тэнго уже который год числился в кандидатах на премию этого конкурса, щекотливость такой ситуации ничуть не смущала его, и он безо всяких пристрастий судил тексты своих конкурентов. В итоге, пропустив через себя кучу откровенно бездарной писанины, Тэнго научился с ходу диагностировать симптомы плохого письма. Каждый год, прочитав около сотни рукописей, он отбирал десяток более-менее стоящих и выкладывал на стол Комацу. Вместе с рецензиями – что именно понравилось, а что нет. Комацу все это просматривал и в итоге оставлял уже только пять кандидатур, которые и передавались четверке жюри для выбора лауреата.

Подобной сортировкой занимались и другие фрилансеры, а координировал этот процесс далеко не один Комацу. И хотя сам Тэнго старался оценивать работы объективно, особой необходимости в этом не было. Мало-мальски удачных в ежегодном потоке обычно попадалось от силы две-три, и любой, кто занимался первичным отсеком, просто не мог бы их не заметить. Повести Тэнго попадали в финальный список трижды. Сам он своих вещей не предлагал, но двое других членов комиссии отмечали их, а Комацу оставлял в шорт-листе. Ни одна так и не получила премии, но автора это совсем не расстраивало. «Тебе нужно время», – сказал Комацу, и слова эти въелись Тэнго в подсознание, как тавро в лошадиную шкуру. Да кроме того, он и сам не особо стремился стать писателем как можно скорее.

При удачно составленном расписании лекций он мог сидеть дома и заниматься чем хочется три, а то и четыре дня в неделю. Семь лет подряд читая один и тот же подготовительный курс, Тэнго пользовался у будущих абитуриентов отменной репутацией. Объяснял доходчиво, мыслью по древу не растекался, на любые вопросы отвечал быстро и по существу. К его собственному удивлению, за кафедрой в нем просыпался настоящий ораторский талант. Яркий язык, уверенный голос, шутки для поддержания тонуса в аудитории – все, что требуется от хорошего лектора, давалось ему легко и естественно. До того как он поступил на эту работу, рассказчик из него был совсем никудышный. Да и теперь еще, встречаясь с кем-либо за стенами колледжа, Тэнго то и дело смущался и мямлил, а потому в небольших компаниях предпочитал роль молчаливого слушателя. Но стоило ему вернуться в аудиторию и встать за кафедру перед неопределенным числом собеседников, голова прояснялась, и он без малейшего напряжения мог говорить о чем угодно и сколько потребуется. Странное все-таки существо человек, удивлялся сам себе Тэнго.

На зарплату он не жаловался. Не сказать чтобы очень высокая, но для усилий, которые он в эту работу вкладывал, вполне терпимо. Среди учащихся регулярно проводились опросы, популярность Тэнго только росла, а вслед за нею повышались и его премиальные. Все-таки его частный колледж всерьез беспокоился о том, чтобы хороших преподавателей не переманивали другие вузы (предложения от которых Тэнго уже получал, и не раз). Совсем не то что в государственных заведениях. Там бы его зарплата жестко зависела от выслуги лет, частная жизнь контролировалась администрацией и ни талант, ни преподавательский рейтинг не имели бы ни малейшего смысла. А кроме того, ему действительно нравилось работать в колледже для абитуриентов. Ученики приходили на занятия с конкретной целью – поступить в университет и лекции слушали внимательно. От Тэнго требовалось одно: внятно излагать материал. И слава богу. Забивать себе голову их дисциплиной и моральными качествами в его обязанности не входило. Просто встаешь за кафедру и рассказываешь, как решаются те или иные математические задачи. А уж по части выражения абстрактных идей при помощи цифр Тэнго был мастером чуть ли не с раннего детства.

Когда не нужно было ходить на работу, он просыпался ни свет ни заря и писал без отрыва примерно до раннего вечера. Авторучкой «Монблан» с синими чернилами – по стандартной бумаге, разлинованной под 400 иероглифов. Лишь после этого день был прожит не зря. Раз в неделю его навещала любовница, замужняя дама, с которой он проводил время после обеда. В сексе с женщиной, которая старше тебя на десяток лет, нет никакого будущего; уже благо-

даря этому Тэнго было с нею легко, естественно и безопасно. Ближе к вечеру он выходил на прогулку, а вернувшись, слушал в одиночестве музыку и читал книги. Телевизор не смотрел. И когда приходил очередной сборщик взносов за «Эн-эйч-кей», честно говорил: извините, мол, я и телевизора-то в доме не держу. Можете сами проверить. Впрочем, никто из этих ребят так ни разу и не зашел к нему в дом. Заходить в чужие жилища сборщикам взносов запрещено.

– Я считаю, ловить нужно рыбу покрупнее, – сказал Комацу.

– Покрупнее?

– Да. Конечно, я не умаляю престижности премии «Дебют», но... уж если охотиться, так сразу за чем-нибудь посолидней.

Тэнго промолчал. Куда клонит Комацу – как всегда, одному богу известно, но на сей раз от слов его будто повеяло странной тревогой.

– Премия Акутагавы!¹² – объявил Комацу, выдержав эффектную паузу.

– Акута... гавы? – повторил Тэнго так, словно считывал трехметровые иероглифы, выведенные палкой на мокром песке.

– Ни больше ни меньше. Что это за планка, сам знаешь не хуже моего. Тут тебе, брат, и в газетах шумиха, и телевидение навтыжку...

– Погодите, господин Комацу, что-то я не пойму. Мы говорим о романе Фукаэри?

– Ну разумеется! О Фукаэри – и ее «Воздушном коконе». Кроме нее, нам с тобой и обсуждать-то больше некого.

Закусив губу, Тэнго попытался разгадать это уравнение с непонятным числом неизвестных.

– Но ведь вы сами весь вечер доказывали, что это даже до премии «Дебют» недотягивает! *В том виде, как оно есть*, ни черта не выйдет...

– Не выйдет. В том виде, как оно есть. Факт, против которого не попрешь.

Тэнго понадобилось время собраться с мыслями.

– Так вы что же – предлагаете переписать за дебютанта его текст?

– А ничего другого не остается! Подающих надежды авторов часто просят исправить их писанину, обычное дело. Только на этот раз мы поручим эту работу не самому автору, а... кое-кому другому.

– И кому же?

Еще до того, как ответ прозвучал, Тэнго знал, что услышит. И спрашивал больше для проверки.

– Мы доверим это тебе, – распорядился Комацу.

Тэнго задумался, подыскивая верные слова. Но их не нашлось.

– Позвольте, господин Комацу... – сказал он и перевел дух. – Речь ведь идет не о стилистической правке. Эту вещь нужно перелопачивать от корки до корки, разбирать на кусочки и собирать заново, чтоб она не расплзалась по швам.

– Разумеется, от корки до корки. Сохранить только главный сюжет. Ну и желательно общую атмосферу. Но весь текст переписать заново. Максимальная адаптация, скажем так. Этим займешься ты. А я спродюсирую все остальное.

– По-моему, ничего не выйдет... – пробормотал Тэнго наполовину сам для себя.

– Слушай. – Комацу взял кофейную ложечку и взмахнул ею, точно дирижерской палочкой перед носом единственного исполнителя. – У этой девчонки, Фукаэри, определенно есть некий дар. Это понятно, если продраťся через ее «Воздушный кокон». Такая буйная фантазия – огромная редкость. Но, к великому сожалению, писать она не умеет. Ни в склад, ни в

¹² Премия имени Рюносэ Акутагавы – самая престижная из литературных премий Японии, присуждаемых начинающим писателям. Учреждена в 1935 г. токийским издательством «Бунгэй Сюдзю» в память о классике японской литературы Рюносэ Акутагаве (1892–1927).

лад... Но как раз это умеешь ты! Внятное изложение, верные интонации, отточенные формулировки – все это есть у тебя. Даром что роста огромного, пишешь ты умно и стильно. И с задушевностью там, где требуется, все в порядке. Вот только о чем писать – ты, в отличие от Фукаэри, пока не улавливаешь. Шарахаешься от темы к теме, как бродяга по свету, а сути хорошей истории никак не поймешь. Но ведь все, о чем тебе стоит писать, прячется внутри тебя самого! Забилось в глубокую норку, точно пугливый зверек, и наружу носа не кажет. Но пока ты его оттуда не выманишь, ловить будет нечего. Вот что я имею в виду, когда говорю «тебе нужно время»...

Тэнго поерзал и сменил позу в пластиковом кресле. Но ничего не ответил.

– Таким образом, дело за малым. – Комацу выписал в воздухе ложечкой кульминационный пируэт. – Соединяем два таланта в одном – и получаем отличного писателя! От Фукаэри получаем грубо изложенный, но яркий сюжет, а от дружища Тэнго – безупречный язык. Идеальное сочетание, не находишь? Твоих способностей на это хватит, я уверен. Почему и поддерживал тебя все эти годы, не так ли? А все остальное можешь смело доверить мне. Если мы объединим усилия – какая-то премия «Дебют» для нас будет слишком легкой добычей. А вот премия Акутагавы – пожалуй, в самый раз. Все-таки я не зря своим делом столько лет на рис зарабатывал. Все лабиринты за кулисами этого бизнеса знаю, как себя самого...

Приоткрыв рот, Тэнго ошарашенно смотрел на собеседника. Комацу бросил ложечку на блюдце. Неестественно громкий звон разнесся по заведению.

– И что же будет, если «Кокон» получит Акутагаву? – уточнил Тэнго, едва переварив услышанное.

– Премия Акутагавы – это всеобщее признание. Подавляющее большинство народу ни черта не соображает в литературе. Но при этом никто не хочет выпасть из общего потока информации. И если книга получает премию, все бегут в магазин, покупают ее и читают. Особенно если эту премию отхватила какая-то сопливая старшекласница... А любой бестселлер приносит весьма аппетитную прибыль. Которую мы и разделим на всех троих. Уж это я организирую в лучшем виде.

– Вопрос сейчас не в том, как делить прибыль, – проговорил Тэнго странным голосом, будто в горле у него пересохло. – Разве все это не противоречит профессиональной этике издателя? Да если о таком подлоге узнает публика, проблем будет просто не сосчитать. Вы же первый с работы слетите!

– Ну, во-первых, так просто никто ничего не узнает. Уж поверь, я умею такое организовать с предельной осмотрительностью. А во-вторых, даже случись прокол, на этой работе меня и так ничего не держит. С начальством год от года холодная война, сплошные стычки да нервотрепка. А новое место я себе найду без труда... Ты ведь пойми: я эту кашу завариваю вовсе не из-за денег. Моя цель – одурачить современный книгоиздательский бизнес. Обвести вокруг пальца всех этих лизоблюдов, что прячутся по своим кабинетам, точно крысы по норам, грызутся, давят друг друга, пробиваясь поближе к кормушке, а при этом с важным видом рассуждают о миссии литературы! Подложить системе свинью – и оттянуться по полной. Прежде всего, это просто весело. Чистый кайф, ты согласен?

Тэнго не видел в этом ничего особенно веселого. Может, он просто не насмотрелся на мир издательского бизнеса до *такой* тошноты? Как бы там ни было, услышав, как солидный человек, Комацу, ставит под удар всю свою репутацию из-за столь детского порыва души, Тэнго на несколько секунд потерял дар речи.

– По-моему, – выдавил он после долгой паузы, – это сильно смахивает на мошенничество.

– Совместное авторство практикуется сплошь и рядом! – отрезал Комацу, слегка нахмурившись. – Чуть ли не половина журнальных сериалов и комиксов-манга придумывается сообща. Команда креативщиков на зарплате собирает в кучу идеи и стряпает из них сюжет; его отдают художникам, те набрасывают общие портреты персонажей и сливают ассистентам для

детальной проработки и раскрашивания. Процесс, аналогичный сборке будильников на заводе. И в литературе подобные случаи не редкость. Вспомни те же дамские романы. Как правило, их строят наемные авторы по установленному «ноу-хау» того или иного издательства. Обычная система распределения труда, и ничего больше. Иначе потребности столь огромного рынка не обеспечить. Да, в твердолобых кругах «высокой» литературы такая практика официально пока еще не применяется. Поэтому стратегически важно, чтобы для публики автором значилась только одна Фукаэри. Даже если тайна раскроется – будет скандал, это наверняка. Но никаких юридических законов мы при этом не нарушаем! Такова тенденция нашего времени, вот и все. При этом заметь: речь не идет о фальсификации Бальзака или Мурасаки Сикибу¹³. Мы просто берем плохо написанный текст сопливой старшеклассницы и доводим его до читабельного состояния. Что тут ужасного, скажи мне? На выходе – качественное произведение, которым смогут насладиться миллионы читателей. Кому от этого плохо?

Тэнго задумался, тщательно подбирая слова. И чуть погодя сказал:

– Проблем я вижу две. Точнее, их наверняка будет больше, но эти две приходят на ум раньше всех остальных. Во-первых, согласится ли сама Фукаэри, чтобы ее текст подчистую переписывал кто-то другой? Если она скажет «нет», весь дальнейший разговор не имеет смысла. И во-вторых, даже если она согласится, вовсе не факт, что я смогу перекроить этот роман так, как вы ожидаете. В любом совместном авторстве слишком много нюансов, чтобы заходя что-либо обещать. Их куда больше, чем вы думаете!

– Ты – справишься, даже не сомневайся, – ответил Комацу без всякой паузы, словно заранее знал, что ему скажут. – Когда я читал «Воздушный кокон», в голове только и вертелась мысль: «А ведь дружище Тэнго мог бы сделать из этого конфетку!» Больше скажу, этот роман *словно сам напрашивается*, чтобы его переделал именно ты, и никто другой. Будто его специально для тебя написали. Или тебе так не кажется?

Тэнго покачал головой. Но так и не нашел что ответить.

– В общем, я тебя не тороплю, – продолжил Комацу уже вполголоса. – Вопрос серьезный. Возьми тайм-аут дня на два или три. Перечитай «Воздушный кокон». И хорошенько подумай над тем, что я тебе предлагаю. Да! Вот тебе еще кое-что...

Комацу полез в карман пиджака, извлек коричневый конверт и протянул Тэнго. В конверте обнаружилось два фотоснимка. На одном портрет юной девицы до пояса, на другом – та же девица в полный рост. Оба кадра сделаны примерно в одно время. Девица стоит у подножия какой-то лестницы с широкими каменными ступенями. Классически сложенное лицо, прямые длинные волосы. Белая блузка. Невысокая, стройная. Губы пробуют улыбнуться, но глазам не до смеха. Очень тяжелый взгляд. Очень требовательный. Долгую минуту Тэнго изучал то одну фотографию, то другую. Он не мог сказать почему, но фотографии этой девчонки разбудили в нем память о временах, когда ему было столько же, сколько ей. Воспоминания эти были живыми и яркими до боли в сердце. Странной и сладкой боли, какой он не переживал уже очень, очень давно. Словно девушка эта сама была его болью.

– Это она и есть, – сказал Комацу. – Красавица, не находишь? При этом скромна и серьезна. Семнадцать лет. Идеальная кандидатура. Настоящее имя – Эрико. Эрико Фукада. Но нам оно не понадобится. Фукаэри – «возврата нет» – лучше и не придумаешь! Если наша красотка отхватит премию Акутагавы, это словечко будет у всех на устах. Все массмедиа слетятся к нам, точно стая летучих мышей на закате. А весь тираж книги расхватывают чуть ли не с типографского станка...

¹³ Мурасаки Сикибу (ок. 973 – ок. 1014) – выдающаяся японская поэтесса и писательница периода Хэйан, автор романа «Гэндзи-моногатари» и «Дневника Мурасаки Сикибу».

Интересно, подумал Тэнго, где и как Комацу раздобыл эти снимки? К рукописям, присылаемым на конкурс «Дебют», авторы фотографий не прилагают. Но спрашивать об этом не стал. Какой бы ни был ответ, знать его почему-то совсем не хотелось.

– Фотографии забирай, – сказал Комацу. – Глядишь, зачем-нибудь да пригодятся.

Тэнго сунул снимки обратно в конверт, положил на распечатку «Воздушного кокона» и придавил ладонью.

– Господин Комацу, – сказал он. – Про сегодняшнюю ситуацию в издательском мире я не знаю практически ничего. Но, исходя из элементарного здравого смысла, должен предупредить: план ваш очень опасен. Единожды солгав всему миру, вынужден лгать всю оставшуюся жизнь. Да еще и увязывать очередное вранье с предыдущим. И для психики, и для извилин такая жизнь – сущий ад. Не дай бог, ошибешься хоть раз – и сам потонешь, и всю команду своей лодки отправишь на дно. Разве не так?

Комацу закурил следующую сигарету.

– Верно формулируешь. Логично и в точку. Да, задумка рискованная. И пока несчитываемых факторов, что говорить, многовато. И если дело не выгорит, у каждого из нас останется уйма неприятных воспоминаний. Это я понимаю хорошо. Но все-таки, дружище, каждый раз, когда я прокручиваю в голове все «за» и «против», мой инстинкт повторяет мне: «Двигай вперед!» И знаешь почему? Потому что такого шанса в принципе быть не может. До сих пор этого не пробовал еще никто. Да и в будущем вряд ли кто сподобится. Может, сравнение с картами тут не совсем корректно. Однако и карты выпали что надо, и фишек хоть отбавляй. Все условия для выигрыша выстроились прямо у нас перед носом. Упусти мы такую удачу сегодня – будем жалеть до скончания дней.

В повисшей паузе Тэнго увидел, как лицо собеседника скривила улыбка человека, которому в жизни, увы, не повезло.

– Но самое главное, – продолжал Комацу, – все-таки в том, что мы собираемся сделать из «Воздушного кокона» выдающееся литературное произведение. Сама эта вещь *заслуживает* того, чтобы ее написали гораздо лучше. Ибо хранит в себе некое важное послание. *Нечто*, требующее, чтобы его передали людям как следует. Да ты и сам в душе это чувствуешь. Или я ошибаюсь? Ради этого нам и нужно объединить усилия. Запустить проект и распределить роли – от каждого по способностям. Благородный мотив, кому ни расскажи – стыдиться абсолютно не за что!

– Вы меня извините, господин Комацу. Но какую бы логику вы ни выстраивали, каких бы оправданий ни находили, подобные махинации все равно остаются мошенничеством. Мотив-то, может, и благородный, только рассказать мы о нем никому не сможем. Потому что действовать нам придется в подполье. Не нравится слово «мошенничество», назовите манипуляцией, интригой, все равно. Закон не нарушается, но с моралью проблемы остаются. Хорошенькое дело – редактор журнала подкладывает на конкурс произведение, обеспечивает ему премию и получает дивиденды с тиража. С точки зрения акционеров, это же банальная инсайдерская махинация!

– Сравниваешь литературу с акциями? – Комацу покачал головой. – Гиблое дело. Это вещи из совершенно разных миров.

– И в чем же принципиальная разница?

– Ну, например... – Губы Комацу вдруг растянулись на невиданную до сих пор ширину. – Ты упускаешь один важный момент. А точнее, отводишь от него глаза. Дело в том, что *у тебя самого руки чешутся от желания переписать «Воздушный кокон»*. Эта идея засела в твоём мозжечке, как заноза. Уж я-то вижу. И никакие риск, мораль или комплексы дилетанта тебя не смущают. Тебе просто до зарезу охота взять этот текст и перелопатить по-своему. Вытащить из него на божий свет то самое Нечто, раз уж Фукаэри не удалось. Вот тебе и разница между акциями и литературой. Хорошо это или плохо, но литературой движет кое-что выше денеж-

ных интересов. Вернешься домой – поговори с собой начистоту. Встань перед зеркалом для острастки. Да у тебя же на лбу все написано.

Тэнго вдруг почудилось, будто воздух сделался странно разреженным. Он быстро окинул взглядом заведение. Очередной приступ? Непохоже. Этим воздухом будто повеяло из какой-то другой реальности. Он достал из кармана платок, вытер со лба испарину. Вечно этот Комацу оказывается прав... С чего бы?

Глава 3

Аомамэ

Кое-что теперь не так

Без обуви, в одних чулках Аомамэ спускалась по узенькой пожарной лестнице. Стылый ветер завывал меж ступеней. Мини-юбку, как бы плотно та ни обтягивала бедра, ветер то и дело раздувал, словно парус у яхты, сбивая девушку с ног. Развернувшись спиной вперед, Аомамэ пятилась вниз пролет за пролетом, держась за железные трубы, приваренные вместо перил. И лишь иногда останавливалась, чтобы поправить разметавшуюся челку и сумку на плече.

Прямо под нею бежала 246-я государственная магистраль. Рычание двигателей и вой клаксонов, истошные вопли сигнализации, военные гимны из динамиков на крышах автобусов ультраправых, треск отбойных молотков по крошащемуся асфальту и прочие ингредиенты шумовой поллюции огромного мегаполиса окутали ее с головой. Механические звуки раздавались сверху, снизу, со всех сторон, сплетаясь в едином танце на безумном ветру. Слушая эту какофонию (а заткнуть уши не получалось – заняты руки), Аомамэ впала в состояние сродни морской болезни.

На полпути вниз лестница прерывалась горизонтальным пролетом, ведущим к быкам хайвэя, и лишь затем продолжалась ступеньками до самой земли.

Всего в нескольких метрах от лестницы вздымалась жилая пятиэтажка, новое здание из рыжего кирпича. Балконы выходят на магистраль, но все окна наглухо заперты и занавешены шторами или жалюзи. Какому безумному архитектору пришла в голову мысль пристраивать к дому балконы с видом на скоростное шоссе? Белье в таком месте обычно не сушат, а любоваться ежевечерними пробками, потягивая джин-тоник, нормальному человеку и в голову не придет. Впрочем, смотри-ка – веревки для белья на некоторых балконах все ж натянуты. А на одном даже выставлены дачное кресло и горшок с фикусом. Бедное растение совсем потеряло цвет, листья пожухли и сморщились, словно обуглились по краям. При виде несчастного фикуса у Аомамэ сжалось сердце. Если суждено в кого-нибудь переродиться, стать таким вот фикусом ей хотелось бы меньше всего на свете.

По лестнице этой ходили до крайности редко: ступени с перилами там и сям оплетены густой паутиной. Крохотные пауки, распятые на собственных ниточках, терпеливо поджидают крохотную добычу. Хотя понятие терпения вряд ли ведомо паукам. Все равно ничему, кроме плетения паутины, они не обучены, и никакого другого образа жизни, кроме ожидания жертвы, выбрать себе не могли бы. Сплести, затаиться и ждать, а однажды умереть и засохнуть. Весь сценарий заложен в генах еще до рождения. Не в чем сомневаться, не о чем горевать или сожалеть. Никаких тебе метафизических мук и моральных метаний. Наверное. Но я-то – дело другое. Я иду к своей цели и, пускай даже в рваных чулках, спускаюсь-таки с Третьего скоростного шоссе через чертов пожарный выход, чтобы добраться до станции Сангэндзя. Продираясь через мерзкую паутину и разглядывая завядшие фикусы на чьих-то дурацких балконах.

Я двигаюсь. Значит, я существую.

Спускаясь по лестнице, Аомамэ думала про бедняжку Тамаки. Не то чтобы особенно хотелось об этом думать, но случайно всплывшие в памяти воспоминания отогнать уже было не просто. Тамаки О'цука была ее лучшей подругой в старших классах школы и соратницей в секции по софтболу. Играя в одной команде, где только ни побывали они вдвоем и чего только вместе ни делали! Однажды между ними даже приключилось нечто вроде лесбийского секса. Дело было на летних каникулах, они приехали в какой-то городок, где обоим пришлось заночевать в одной постели. Просто потому, что в гостинице оставались только номера с полутораспальными кроватями. И в этой тесной постели они изучили, блуждая на ощупь, все ложбинки и

бугорки на теле друг друга. При этом вовсе не будучи лесбиянками. Им просто хотелось испытать что-нибудь *эдакое* – из обычного любопытства, каким полна голова любой старшеклассницы. Парней у обеих на тот момент еще не было, сексуального опыта – полный ноль. Все, что случилось той ночью, осталось в сегодняшней памяти лишь эпизодом в духе «познавательное исключение из правил». Но даже теперь, спускаясь по голым металлическим ступеням... Стоило ей вспомнить Тамаки в своих объятиях, как подробнейшие детали – продолговатые соски подруги, густые волосы на ее лобке, округлые ягодички, форма клитора – на удивление ясно восстановились в памяти сами собой.

И пока эта сцена плыла перед ее мысленным взором, в ушах, точно звукозапись к кинофильму, трубили фанфары из «Симфониетты» Яначека. Пальцы Аомамэ вкрадчиво гладят Тамаки в самых разных местах. Той вначале щекотно, но вскоре смешки затихают. Становится глубже дыхание. Эту музыку сочиняли для какого-то спортивного праздника. Под нежное воркование духовых ветер ласкает травы Богемской долины. Аомамэ чувствует, как соски Тамаки постепенно твердеют. И то же самое творится с нею самой. Литавры...

Остановившись на ступеньках, Аомамэ покачала головой. Нашла над чем медитировать в таком месте! Соберись-ка и думай о том, как не сверзиться с лестницы, велела она себе. Но отмахнуться от воспоминаний не получалось. Кадр за кадром забытая сцена всплывала в ее подсознании. Очень ярко и отчетливо. Летняя ночь, тесная кровать, тонкий запах разгоряченных тел. Слова, что они шептали. Чувства, для которых не находилось слов. Забытые клятвы. Несбывшиеся мечты. Так никуда и не выплеснутая тоска. Налетевший ветер взъерошил волосы Аомамэ и тут же утих, оставив на щеке лишь крохотную слезинку. А очередным порывом унес и ее.

Когда же все это случилось? Время превратилось для Аомамэ в одну длинную спутанную нить. Что было раньше, что позже, где причины, где следствия – не восстановить, хоть убей. И все-таки. Сейчас апрель 1984-го. Она родилась – ну да, в 54-м. Худо-бедно, а это еще вспоминалось. Но остальные даты, что она помнила до сих пор назубок, бледнели и улетучивались из памяти одна за другой. Ей представилась стопка белоснежных страниц с отпечатанными номерами. Ветер вырывает листки у нее из рук и разносит по белу свету. Она бежит за каждой, пытаясь собрать. Но ветер все яростней, страниц остается все меньше. 1954, 1984, 1645, 1881, 2006, 771, 2041... Даты кружатся в воздухе и исчезают одна за другой. Нить запутывается еще больше, сознание меркнет, порядок ступеней под ногами перемешивается.

Аомамэ и Тамаки в одной постели. Семнадцатилетние девчонки отрываются по отвованной свободе. Это их первое путешествие вдвоем. Что уже само по себе чертовски возбуждает обеих. Возвратясь из онсэн¹⁴, они распивают на двоих банку пива из холодильника, гасят свет и забираются в постель. Сначала просто дурачатся. Тычут пальцами друг в дружку, посмеиваясь над бледными полосками кожи, так и оставшимися этим летом без загара. Но в какой-то момент пальцы Тамаки легонько накрывают сосок под тонкой майкой подруги. Тело Аомамэ сотрясается, как от электрического разряда. Они срывают друг с друга майки-трусики и наконец-то остаются в чем мать родила. Летняя ночь... В какой же город они тогда приезжали? Не вспоминается. Да и черт с ним. Молча, не сговариваясь, они начинают увлеченно исследовать друг друга. Любоваться. Касаться. Ласкать. Лизать. Целовать. Наполовину в шутку, наполовину всерьез. Тамаки невысокая, плотная, полногрудая. Аомамэ ростом повыше и стройная, грудь совсем небольшая. Тамаки то и дело подумывала сесть на диету. Хотя, на взгляд Аомамэ, оставалась красавицей и без этого.

¹⁴ **Онсэн** – традиционная японская купальня с минеральной водой из горячего источника. Онсэн бывает открытым, когда устраивается в естественном водоеме, и закрытым, где водой наполняют специальные ванны (офуро). Купание в онсэнах – самая популярная форма отдыха во внутреннем японском туризме.

Кожа у Тамаки тонкая и гладкая. Соски – продолговатые и плотные, что маслины. Волосы на лобке мягкие и густые, как листья плакучей ивы. У Аомамэ, напротив, – спутанные и жесткие. Контраст настолько разительный, что обе смеются. Двигаясь в темноте и на ощупь, они отыскивают друг у дружки самые чувствительные зоны. Кое-что совпадает, кое-что различается. Вот их пальцы добираются до клиторов. Мастурбации никого обучать не нужно. Этого опыта у каждой хоть отбавляй. Но обе чувствуют: возможно, с другими следует обращаться немного не так, как с собой. И только ветер ласкает луга Богемской долины.

Аомамэ опять останавливается, снова качает головой. Отнимает пальцы от железных перил, перехватывает покрепче. Выкинь все это из головы, приказывает она себе. Думай только о том, чтобы спуститься отсюда целой и невредимой. Больше половины пути уже пройдено. И все-таки – откуда этот дикий шум? И почему такой сильный ветер? Может, они посланы мне в упрек? Или, не дай бог, в наказание?

Как бы то ни было – что ждет меня там, внизу, когда я спущусь с этой чертовой лестницы? Вдруг меня станут допрашивать, потребуют документы? И что же я им отвечу? «Видите ли, там на хайвэе пробка, вот я и решила спуститься по лестнице, поскольку страшно тороплюсь». Отделаюсь ли я таким объяснением? Или только влипну в очередную историю? Чего-чего, а влипнуть в истории хотелось бы меньше всего на свете. По крайней мере, сегодня.

Слава богу, внизу ее никто не поджидал. Спустившись на землю, Аомамэ первым делом достала из сумки туфли, обулась и оглядела окрестности. Она стояла на складской площадке для стройматериала, затиснутой между левым и правым полотнами 246-й магистрали. Крохотная площадка огорожена забором из металлических прутьев. Прямо по земле разбросаны железные трубы и сваи, оставшиеся после каких-то строительных работ. В одном углу пластиковый навес, под ним – три-четыре огромных мешка неведомо с чем, укутанные от дождя в голубую непромокаемую попону. Видно, когда закончилась стройка, оказалось проще оставить их здесь, чем перетаскивать куда-то еще. Здесь же свалено несколько сложенных картонных ящиков, а вокруг раскиданы пустые пластиковые бутылки да пять-шесть журналов с комиксами. Больше здесь не было ничего. Только виниловые мешки для мусора переползали с места на место, приплясывая на ветру.

На воротах забора висела толстенная цепь с огромным амбарным замком. Сам же забор состоял из тесно поставленных прутьев с острыми пиками на концах. Перебраться через такой не выйдет, хоть тресни. А если и выйдет, от одежды лишь ключья останутся. На всякий случай Аомамэ подергала створку ворот – на себя, от себя. Та не сдвинулась ни на миллиметр. Даже кошка не выскользнула бы отсюда. Ну и дела. За каким дьяволом кому-то понадобилось так тщательно замуравывать этот бесхозный пустырь? Здесь и красть-то нечего! Аомамэ скривилась и плюнула в сердцах на землю. Это уж слишком. Притащиться по аварийной лестнице с хайвэя, чтоб оказаться взаперти на заброшенной стройплощадке? Она скользнула взглядом по часам на руке. Время еще оставалось. Но не торчать же ей здесь до скончания века! И уж конечно, не возвращаться на чертов хайвэй...

Чулки на пятках расползлись огромными дырами. Убедившись, что никто на нее не смотрит, Аомамэ сбросила туфли, задрала юбку, стянула чулки, затолкала их в сумку и снова обулась. На душе полегчало. И она решила еще раз осмотреть площадку – буквально каждую щель. Не шире обычной школьной аудитории. Обход по периметру не займет и минуты. Выход действительно только один – ворота с амбарным замком на цепи. Прутья забора, хоть и не толстые, привинчены к перекладинам увесистыми болтами. Без инструмента не отодрать, хоть умри. Засада...

Она осмотрела картонные ящики под навесом. И вдруг заметила, что те не просто брошены, а расстелены как лежанки. У изголовья – рулоны старых дырявых одеял. Видно, какие-то бродяги облюбовали это место для ночлега. Вот откуда здесь комиксы и пустые бутылки. Да,

все сходится... Аомамэ напрягла воображение. Но если они здесь спят – значит, как-то сюда пробираются! Через какой-то потайной лаз. Кого-кого, а этих ребят не нужно учить искусству ночевать там, где никто не заметит. И раз уж они нашли себе безопасное место, то и способ туда пройти сохраняют в тайне от всего мира.

Она двинулась вдоль забора, проверяя на прочность каждый железный прут. Давила, тянула, раскачивала. Пока наконец не нашла, что искала: несколько прутьев, с которых один за другим поснимали болты. Она подергала эти прутья в разные стороны, пробуя сдвинуть с места. Оказалось, те легко снимаются, если тянуть под определенным углом. Через пару минут возни ей открылся узенький лаз, в который, хоть и с трудом, мог протиснуться человек. Несомненно, бомжи с наступлением темноты пробираются через эту дырку, чтобы переночевать под навесом. А утром уходят добывать пищу и собирать бутылки подальше отсюда. Ведь если станет известно, кто здесь обитает, такого уютного гнездышка им уже не видать как своих ушей. Аомамэ сказала бомжам мысленное спасибо. В путешествиях инкогнито *по ту сторону* огромного мегаполиса они были с ней заодно.

Сгруппировавшись, она полезла через узкую лазейку в заборе. Старательно следя за тем, чтобы не зацепить дорогой костюм. Нельзя сказать, чтобы Аомамэ любила его, просто он был единственный в ее гардеробе. В обычной жизни ни костюмов, ни туфель на шпильках она не надевала. Но на такой работе, как *эта*, от нее временами требовалось полностью менять имидж. А испортить костюм она позволить себе не могла.

Ей повезло: на улице по ту сторону забора не было ни единой живой души. Аомамэ еще раз проверила, в порядке ли костюм, придала лицу как можно больше бесстрастности и направилась к ближайшему светофору. Перейдя через 246-ю магистраль, заглянула в первый попавшийся «драгстор» и купила новую пару чулок. С позволения продавщицы зашла в подсобку, надела чулки – и лишь тогда облегченно вздохнула. Наконец-то ее больше не мучило. Поблагодарив продавщицу, она вышла на улицу.

246-я забита плотнее обычного. Наверняка об аварии на хайвэ сообщили по радио. Не надеясь на такси, Аомамэ решила спуститься в метро и поехать по линии Син-Тамагава. Так надежней. Застрять в очередной пробке, развалившись на заднем сиденье? Благодарю покорно.

На полпути до станции Сангэндзя дорога ей пересек полицейский. Молоденький, долговязый, он быстро шагнул куда-то по служебным делам. На секунду Аомамэ напряглась, но замороженный полицейский глядел прямо перед собой и не обратил на нее внимания. За секунду перед тем, как их дороги пересеклись, она вдруг заметила, что форма у него какая-то необычная. Сегодняшняя полиция одевается совсем не так. Вроде бы тот же темно-синий мундир, но покрой слегка другой. В наши дни страж порядка должен выглядеть чуть более повседневным. Не таким подтянутым, как раньше. Материал стал мягче, лацканы меньше, да и синий цвет уже не такой угрюмый. А кроме того, изменилась форма пистолета. У этого полицейского на бедре болтался большой автоматический. Но современную полицию оснащают револьверами. В стране, где вооруженные стычки со стражами закона крайне редки, в ходу именно шестизарядные револьверы. Производить их проще и дешевле, ломаются редко, уход за ними несложный. Но у этого полицейского откуда-то взялся полуавтоматический пистолет новейшего образца. Шестнадцать зарядов, калибр девять миллиметров. То ли «глок», то ли «беретта». Что происходит? Неужели полицейским обновили оружие и обмундирование, а она о том и не знала? Да нет, быть не может. Тогда бы об этом всю шумели в газетах, а уж газеты Аомамэ читает тщательнее некуда. А также пристально изучает каждого полицейского на своем пути. И она готова поклясться: еще сегодня утром – буквально несколько часов назад! – все полицейские носили обычную мятую форму и банальные револьверы. Это она помнила совершенно отчетливо. Ну и дела...

Но думать об этом некогда. Впереди важное дело.

На станции Сибуя она затолкала в ячейку камеры хранения плащ и, оставшись в одном костюме, зашагала по улице Сакамити к назначенному отелю. Тот оказался среднего класса – не особо роскошный, но чистый, с классическим набором услуг и без подозрительной клиентуры. На первом этаже ресторан и круглосуточный магазин. Вид из окон приличный, станция метро в трех шагах.

В вестибюле она сразу направилась в туалет. Там, слава богу, было пусто. Первым делом Аомамэ прошла в кабинку и освободилась от накопившейся жидкости. Пожалуй, никогда в жизни она еще не мочилась так долго. Если закрыть глаза, журчание вытекающей жидкости напоминает шум морского прибоя. Затем она тщательно вымыла руки, причесала щеткой волосы, высморкалась. Достав из сумки зубную щетку и пасту, быстро почистила зубы. Времени в обрез, решила она, обойдемся без зубной нити. Да и нужды в ней особой нет: все-таки не на свидание собираюсь. Она достала помаду и подкрасила губы перед зеркалом. Подвела брови. Сняв жакет, поправила бюстгальтер, разгладила складки на белой блузке, а заодно проверила, не пахнет ли под мышками. Не пахнет. Аомамэ закрыла глаза и произнесла свою обычную молитву. В словах этой молитвы особого смысла она не видела. Смысл может быть каким угодно. Главное – сам процесс.

Помолившись, она открыла глаза и проверила себя в зеркале. Все в порядке. С какой стороны ни глянь – обычная бизнес-леди на пути к успеху. Прямая осанка, уверенно поджатые губы. Разве что тяжелая сумка немного не к месту. Возможно, с аккуратным кожаным «дипломатом» она смотрелась бы еще безупречнее. Хотя и слишком по-канцелярски. Для перестраховки она в последний раз проверила содержимое сумки. Порядок. Все, что нужно для выполнения заказа, извлекается мгновенно при первой же необходимости.

Дальше остается лишь действовать по порядку, продуманному заранее. Без колебаний, без жалости – просто выполнить поставленную задачу на все сто. Аомамэ расстегнула верхнюю пуговицу на блузке – так, чтобы грудь было видно, когда наклоняешься. Будь эта грудь покрупней, от нее было бы куда больше проку, сокрушенно вздохнула она.

Никем не замеченная, Аомамэ поднялась в лифте на четвертый этаж и быстро нашла дверь номера 426. Достала из сумки ручку с блоком, прижала к груди, постучала в дверь. Коротко и негромко. Выдержала паузу, постучала снова. Уже сильнее, настойчивей. Изнутри послышалась какая-то возня, и дверь приоткрылась на несколько сантиметров. В узкой щели показалось лицо. Мужчина лет сорока. В синей рубашке и серых фланелевых брюках. Ни дать ни взять образцовый бизнесмен, который решил ненадолго расслабиться без галстука и пиджака. Взгляд при этом усталый, красные глаза. Явно не высыпается. При виде Аомамэ в деловом костюме слегка удивился. Наверно, ожидал увидеть горничную, зашедшую пополнить холодильник.

– Ради бога, простите, что нарушаю ваш отдых, – отчеканила Аомамэ, улыбаясь как можно приветливей. – Меня зовут Ито, я из отдела менеджмента. В системе вентиляции возникла проблема, меня послали для проверки. Нельзя ли побеспокоить вас всего на пять минут?

Мужчина недовольно нахмурился.

– Я занят важной и срочной работой. Через час уйду – может, тогда проверите? С вентиляцией проблем пока не было.

– Мне очень неловко, – извинилась Аомамэ, – но это связано с утечкой электричества и общей системой безопасности всего отеля. Необходимо проверить как можно скорее. Номер за номером, по порядку. Уверяю вас, это не займет и пяти минут!

– Черт знает что... – Мужчина прищелкнул языком. – Специально ведь номер снял, чтобы поработать спокойно!

Приоткрыв дверь пошире, он кивнул на письменный стол, заваленный компьютерными распечатками с мелкой цифирью. Похоже, готовится к докладу на вечернем брифинге. Тут же рядом – калькулятор и странички из отрывного блокнота, исписанные длиннющими числами.

Аомамэ знала, что этот человек служит в нефтяной корпорации. Эксперт по промышленным инвестициям в страны Ближнего Востока. Насколько ей известно, в своей области он считался элитным специалистом. Это же ощущалось и в его манере держаться на публике. Аристократическое воспитание, высокий доход, новенький «Ягуар». Безоблачное детство, заграничный вуз, английский и французский почти без акцента, стопроцентная уверенность во всем, что делает и говорит. И при этом – абсолютная невосприимчивость к тому, чего хотят от него другие. Малейшей критики на дух не переносит. Особенно от женщин. Хотя сам постоянно чего-нибудь требует от окружающих и считает это в порядке вещей. Даже переломав жене ребра клюшкой для гольфа, угрызений совести не испытывает. Совершенно искренне убежден, что Вселенная вертится вокруг него. И если он вдруг исчезнет, мир тут же развалится. Стоит кому-либо встать у него на пути, он взрывается. Очень страшно взрывается. Просто как термостат.

– Извините за вторжение, – улыбнулась Аомамэ ослепительной производственной улыбкой. Не оставляя собеседнику времени на раздумье, она протиснулась в полуоткрытый дверной проем, тут же захлопнула дверь спиной и, распахнув блокнот, деловито вписала в него две или три закорючки. – Господин, э-э... Мияма, я не ошиблась? – уточнила Аомамэ.

– Нет, не ошиблась! – уже безо всякой вежливости отозвался мужчина.

И сокрушенно вздохнул. Делай, мол, что хочешь, только убирайся поскорее. Он отвернулся, с ручкой в руке прошел в глубь номера, сел за стол и завис над недописанным документом. На огромной застеленной кровати валялись пиджак и галстук в полоску. Что один, что другой явно дороже ее костюма. Не снимая сумки с плеча, Аомамэ шагнула к одежному шкафу в прихожей. Именно там, как она уточнила заранее, расположен щиток с выключателями. В шкафу висели длинный плащ из какой-то мягкой материи и серый шарф. На багажной полке одиноко тулился кожаный кейс для документов. Ни сменного белья, ни туалетных принадлежностей. Постоялец явно не собирался задерживаться здесь надолго. Заказанный в номер кофейник на журнальном столике был уже почти пуст. Поковырявшись в щитке с полминуты для убедительности, Аомамэ обратилась к Мияме:

– Спасибо за содействие, господин Мияма! Неисправностей в вашем номере не обнаружено.

– Я тебе сразу это сказал! – рявкнул Мияма, даже не обернувшись. – Разве нет?

– Господин Мияма! – воскликнула Аомамэ. – Ради бога, извините, но что это у вас на шее?

– На шее? – вздрогнул Мияма и потрогал себя за шею. Погладил ее несколько раз, а потом исследовал пальцы. – По-моему, ничего... А что такое?

– Разрешите? – Она шагнула к его столу. – Я сама посмотрю, если не возражаете.

– Ну, посмотри... – Мияма озадаченно покрутил головой. – Что ты там увидела-то?

– Вроде какая-то краска. Светло-зеленое пятно.

– Краска?!

– Сама не пойму. С виду похоже на краску. Вы позволите, я потрогаю? Может, получится оттереть...

– Валяй, – согласился Мияма и наклонил голову.

Только что от парикмахера, отметила Аомамэ, на шее – ни волоска. Глубоко вдохнув, она задержала дыхание, сосредоточилась – и за какие-то пару секунд нащупала на шее Миямы *ту самую* точку. Легонько припечатала пальцем, словно ставя невидимую засечку. Вот здесь, повторила она про себя, закрыв на секунду глаза. Конечно, будь у меня больше времени, стоило бы перепроверить. Но в предложенных обстоятельствах работаем без права на ошибку.

– Простите великодушно, – сказала Аомамэ. – Вы не могли бы посидеть в такой позе еще немного? У меня в сумке ручка с фонариком, я сейчас достану и посвечу. Под этой люстрой так плохо видно.

– Да что еще за краска такая? – запыхтел недовольно Мияма. – С чего бы она там взялась?

– Не могу знать, – пропела Аомамэ. – Сейчас проверим!

Не отрывая пальца от заданной точки, она извлекла из сумки пластиковый футляр, сняла с него крышку и достала сверток из тонкой ткани. Ловко развернула его одной рукой – и на свет появилось нечто вроде миниатюрного пестика для колки льда. Всего сантиметров десять длиной. Этот причудливый инструмент Аомамэ сконструировала сама. Его заостренный кончик венчала тоненькая игла. На иглу, чтобы случайно не поломать, насажена пробка из мягкого, специально подобранного материала. Осторожным движением ногтя Аомамэ скovitнула пробку, сунула в карман. И поднесла обнаженное жало к заветной точке на шее Миямы. А теперь спокойно, приказала она себе. Сосредоточься. Ты не должна промахнуться даже на миллиметр. Иначе все пойдет прахом. Самое важное в эти секунды – предельная концентрация.

– Долго еще? – не выдержал Мияма. – Что ты там возишься?

– Простите! – сказала Аомамэ. – Уже заканчиваю.

Не волнуйся, добавила она про себя. Сейчас все закончится. Моргнуть не успеешь. И больше не придется ни о чем беспокоиться. Ни о системах по очистке нефти, ни о ценах на сырьевой бирже, ни о квартальных отчетах инвесторам, ни о брони на билет в Бахрейн, ни о взятках чиновникам, ни о подарках любовницам. Все эти бесконечные хлопоты совсем изматывали тебя в последнее время, не правда ли? Вот поэтому уж извини, но подожди еще чуток. Я должна предельно сосредоточиться. Дай мне выполнить свою работу. Заткнись и не мешай, очень тебя прошу.

Выбрав точку, Аомамэ занесла руку повыше, задержала дыхание на пару секунд – и легко, без лишних усилий, опустила инструмент куда нужно. Главное – не перестараться. При сильном ударе игла может сломаться о кожу. А оставлять в трупe осколок никак нельзя. Поэтому рука опускается мягко, почти жалеючи, под нужным углом и ровно с той силой, которая требуется. Просто падает под весом инструмента: тук! Только тогда игла вонзается в то самое место. Очень естественно. Легко, глубоко и смертельно. Главное – соблюсти два условия: верный угол и силу удара (а точнее, ее отсутствие). И тогда выполнить задачу не сложнее, чем вонзить иголку в соевый творог. Кончик иглы протыкает кожу, вонзается в мозг, ничем не защищенный в этом единственном месте, – и сердце, словно задутая ветром свеча, прекращает работу. Все заканчивается вмиг. Раз – и готово. На это способна только она, Аомамэ. Сколько ни ищи, никто, кроме нее, не сможет нащупать заветную точку. А она – может. Благодаря уникальной чувствительности пальцев. Такой вот особый дар.

Мужчина сдавленно всхлипнул. Судорога пробежала по всему телу. Дождавшись, когда волна успокоится, Аомамэ аккуратно, самыми кончиками пальцев вынула иглу. Достала из кармана ватный тампон, протерла микроскопическую ранку. Крови почти нет. Слишком тоненькая игла, и слишком быстро все происходит. И тем не менее оставлять кровь нельзя. Единственная капелька может стоить ей жизни. Но уж чему, а осторожности Аомамэ обучать не нужно.

Секунда за секундой из костенеющего тела уходила жизнь. Примерно как воздух из баскетбольного мяча. Не отнимая указательного пальца от шеи Миямы, Аомамэ уложила его головой на стол. Скулой на столешницу, документы вместо подушки. Взгляд Миямы уперся в стену с удивлением в остекленевших зрачках. Словно в последний миг жизни он увидел нечто, крайне его поразившее. В этом взгляде не было ни испуга, ни страдания. Просто безграничное удивление – и все. Он понял, что с его телом творится нечто странное. Но вот что именно, осознать не успел. Болит или чешется, приятно или нет, комариный укус или божье открове-

ние – ответа на эти вопросы он не дождался. На свете есть много способов умирать, но именно такая смерть, наверное, самая легкая.

«Слишком легкая для тебя, – подумала Аомамэ, и гримаса отвращения перекосила ее лицо. – Слишком простая. Наверно, мне следовало поломать тебе пару ребер клюшкой для гольфа номер пять, дать тебе покорчиться на полу от боли – и лишь затем подарить смерть как награду. Для такой крысы, как ты, было бы куда справедливей. Хотя бы потому, что ты проделал то же самое со своей несчастной женой. Но в выборе твоей смерти я, увы, не свободна. Моя миссия – быстро и точно *переправить тебя куда полагается*, не называя своего имени. И эту миссию я только что выполнила. Еще минуту назад ты был жив. А теперь ты мертв. И даже не заметил, как опустился занавес, разделяющий жизнь и смерть».

Ровно пять минут Аомамэ прижимала ватный тампон к ранке на шее Миямы. Терпеливо, хотя и не очень сильно, чтобы от пальцев не осталось следов. Не отводя взгляда от часов на левой руке. То были долгие пять минут. Длинные, как сама Бесконечность. Застань ее кто угодно с подозрительным инструментом над бездыханным телом – ей крышка. Тут уж не отвертеться. А что, если Мияма заказал еще кофе в номер и в дверь вот-вот постучат? Но эти пять минут нужны ей как воздух, и сократить их нельзя. Она тихонько, но глубоко вздохнула, чтоб успокоить нервы. Только без паники, сказала она себе. В спокойствии твоя сила. Ты – та же, что и всегда: крутая сестренка Аомамэ.

Слышно, как бьется сердце. И в том же ритме фанфары выдают в голове увертюру «Симфония» Яначека. Ветер мягко ласкает травы Богемской долины. Аомамэ четко знает: теперь ее – две. Одна, крутая и стильная, прижимает ватный тампон к ранке на шее покойника. А другая – дрожит как осиновый лист. Той, другой Аомамэ дико хочется бросить все к чертовой матери и убежать из проклятого номера куда глаза глядят. Я здесь, но меня здесь нет. В одно и то же время я нахожусь в двух разных местах. Да, это противоречит теории Эйнштейна, но тут уж ничего не попишешь. Таков дзэн убийцы.

Пять минут проходит. На всякий случай Аомамэ прибавляет еще одну. Лучше выждать еще немного. Такую важную работу нельзя выполнять впопыхах. Тяжелую, бесконечную минуту она переживает, затаив дыхание и замерев, точно статуя. А затем отнимает палец и светит на место ранки фонариком. Чисто. Ничего похожего даже на комариный укус.

Гибель от иголки, пронзающей эту незащищенную точку мозга, поразительно напоминает естественную смерть. На взгляд любого обычного медика, все выглядит как банальный инсульт. Сидел себе человек за столом, работал, вдруг раз – отказало сердце, и он перестал дышать. Причина – стресс: слишком много работал. Внешне ничего подозрительного. Во вскрытии необходимости нет.

Человек этот был мастером своего дела, но работал *слишком* много. Зарплату получал солидную, но тратить не успевал. Носи он пиджаки от Армани, води он свой «Ягуар» – все равно оставался муравьем. Работа, работа – и бессмысленная смерть. О том, что он существовал в этом мире, очень скоро забудут все. Возможно, кто-нибудь скажет: «А ведь совсем молодой, как жаль». А может, никто и не скажет.

Достав из кармана миниатюрную пробку, Аомамэ насадила ее на иглу. Завернула инструмент в мягкую ткань, убрала в футляр и спрятала на дно сумочки. Сходила в ванную, взяла полотенце, тщательно протерла все места, на которых могли остаться отпечатки пальцев. По расчетам, те могли остаться разве что на кнопках электрошутка и на ручке двери. Закончили – полотенце вернем на место. Кофейник и чашки – на поднос и выставляем в коридор. Если сделать все правильно, посуду заберут и сегодня покойника не потревожат. Горничная придет для уборки и обнаружит труп лишь завтра утром.

На сегодняшней конференции он не выступит, и люди, скорее всего, будут сюда звонить, но трубку никто не снимет. Возможно, заставят управляющего открыть дверь. А может, и не заставят – это уж как придется.

Она встала перед зеркалом в ванной и поправила одежду. Застегнула верхнюю пуговицу на блузке. Ложбинку между грудей показывать не пришлось. Этого гада ползучего меньше всего на свете интересовало, кто я такая и как выгляжу. Что он вообще себе думал о людях вокруг?

Лицо ее снова скривилось. Аомамэ поправляет волосы, легонько массирует пальцами лицо и приветливо улыбается своему отражению в зеркале. Как все-таки здорово накануне отбелил ее зубы дантист. Прямо сейчас из комнаты с трупом я вернусь в свой обычный мир. Нужно взять себя в руки. Я больше не крутая убийца. Я теперь – бизнес-леди в стильном костюме на взлете крутой карьеры.

Приоткрыв дверь, Аомамэ оглядела коридор, убедилась, что снаружи никого нет, и вышла из номера. На лифте не поехала, спустилась по лестнице. Никем не замеченная миновала фойе. С гордо поднятой головой, глядя только вперед. Уверенной походкой – но достаточно неторопливо, чтобы не вызвать подозрения. Она – профессионал. Почти совершенство. Ну разве что грудь могла быть чуток побольше, тогда вообще не на что жаловаться, сокрушенно подумала Аомамэ и на секунду опять скривилась. Но тут уж ничего не поделаешь. Что тебе природой дано, с тем и жить.

Глава 4

Тэнго

Делай как хочешь

Проснулся Тэнго от звонка. Второй час ночи. Вокруг, разумеется, царил тьма. Можно не сомневаться: звонил Комацу. Никто другой не посмел бы звонить так поздно. Да и назойливость, с которой трезвонят, покуда не снимешь трубку, свойственна только ему. Для Комацу не существует понятия времени суток. Взбрела в голову мысль, которую хочется обсудить, – тут же набирает номер, даже не взглянув на часы. Среди ночи или ни свет ни заря, на брачном ложе или у смертного одра – его собеседникам приходится снимать трубку и разговаривать с тем, о ком они сейчас думают меньше всего на свете. Прозаическая мысль о том, что он может кому-нибудь помешать, в яйцевидную голову Комацу просто не приходила.

Впрочем, стоит признать: так Комацу звонил далеко не каждому. Все-таки он пахал в крупном издательстве за неплохую зарплату. А с беспардонностью к окружающим в приличном обществе долго не протянешь. Но Тэнго был его напарником и в самых разных проектах служил Комацу чем-то вроде если не правой, то левой руки. При таких отношениях уже не ощущаешь границы, где свое, где чужое. Сам не спишь – ожидаешь того же и от партнера.

Ложился Тэнго, как правило, в десять вечера, вставал в шесть утра. И если не требовали обстоятельства, режима старался не нарушать. Спал он крепко. Но если что-то будило его среди ночи, заснуть уже не мог. Есть такой бзик в его психике. О чем он рассказывал Комацу не раз и не два, буквально умоляя не будить его ночными звонками. Как молит богов крестьянин, чтоб не насылали на поле саранчу, пока не собран весь урожай. «Я понял, – всякий раз отвечал Комацу. – Больше ночью звонить не буду». Но обещания эти не пускали корней в его памяти, и каждым новым дождем их смывало оттуда бесследно.

Тэнго выбрался из постели и, спотыкаясь о что ни попадя, доковылял до телефона на кухне. Все это время телефон продолжал надрываться как ни в чем не бывало.

– Я поговорил с Фукаэри, – сказал Комацу.

Иногда он обходился вообще без приветствий. И даже без вводных фраз. Никаких тебе «разбудил?» или «извини, что так поздно». Ну и фрукт, вздохнул Тэнго. Не устаю поражаться...

Он стоял с перекошенным лицом в темноте и не находил, что ответить. Всякий раз, когда его будили среди ночи, голова включалась не сразу.

– Эй, ты меня слышишь?

– Слышу.

– Для начала я просто позвонил ей по телефону. И, в общем, рассказывал я, она только слушала. Так что и беседой не назовешь. Из этой девчонки лишнего слова не вытянешь! А если и вытянешь, разговаривает, точно с луны свалилась. Встретишься с ней – поймешь, о чем я. Но главное – суть нашего плана я ей изложил. Дескать, если «Воздушный кокон» перепишет другой человек, роман можно выдвинуть на соискание премии «Дебют». Но поскольку по телефону всего не расскажешь, давайте встретимся, обсудим подробнее, если интересно. В общем, удочку закинул, хотя говорил все больше намеками. Все-таки выложи я все начистоту, моя роль выглядела бы странно...

– И что она?

– Ничего не ответила.

– Вообще ничего?

Комацу выдержал эффектную паузу. Сунул в рот сигарету, чиркнул спичкой и закурил. По звукам в трубке Тэнго легко вообразил всю эту картину. Зажигалками Комацу не пользовался никогда.

– Первым делом она хочет встретиться с тобой, – продолжил Комацу, не вынимая изо рта сигареты. – Интересно ли ей все это, не знаю. Согласна она или против – ничего не сказала. В общем, она захотела увидеть тебя, поговорить, а там и определиться с ответом. Надеюсь, это тебя не слишком обременит?

– И что дальше?

– Завтра вечером свободен?

Завтрашние лекции начинались рано утром и заканчивались в четыре часа дня. К счастью или нет, после работы никаких планов у Тэнго не было.

– Свободен, – ответил он.

– Тогда приходи к шести вечера на Синдзюку в «Накамурая». Закажу вам столик где-нибудь в уголке. Платит фирма, заказывайте что хотите. А заодно и обсудите с глазу на глаз все, что потребуется.

– То есть... сами вы не придете?

– Поговорить с тобой наедине – условие самой Фукаэри. На данном этапе во встрече со мной она смысла не видит.

Тэнго промолчал.

– Такие дела, – подытожил Комацу. – Так что давай, брат, не подкачай. Ты хоть ростом и здоровяк, симпатию вызвать умеешь. Как объяснять сопливым старшеклассникам сложные вещи, учить тебя тоже не нужно. В этом ты профи, со мной не сравнить. Побольше улыбайся, и главное – вызови в ней доверие. Жду от тебя хороших вестей.

– Погодите, господин Комацу! – уперся Тэнго. – Но ведь это полностью ваш проект! А я даже не сказал вам, участвую в нем или нет. Повторяю, сама идея, на мой взгляд, слишком рискованная. Наверняка все окажется не так просто. Обязательно будут трения с общественностью. Я и для себя-то пока не решил, ввязываться ли в такую аферу. Как же я могу затягивать туда незнакомую семнадцатилетнюю девчонку?

Комацу выдержал долгую паузу.

– Пойми, дружище, – сказал он наконец. – Хочешь ты этого или нет, сам проект уже начался. Поезд разогнался так, что спрыгивать поздно. Я для себя давно все решил. Ты – тоже, пускай пока еще только наполовину. Да мы с тобой, братец, теперь скованы этой цепью до конца жизни. Один потонет – другому конец.

Тэнго помотал головой. Скованы цепью? До конца жизни? Ну и дела. С каких это пор их отношения стали такими пафосными?

– Но вы же сами говорили, что торопиться особо некуда, разве не так?

– Я тебя целых пять дней не торопил. К чему же ты пришел?

На секунду Тэнго потерял дар речи.

– Да пока ни к чему... – выдавил он наконец.

– Вот *пока* и сходи поболтай с девчонкой. Глядишь, и решится хоть что-нибудь.

Тэнго с силой потер пальцами веки. Голова по-прежнему отказывалась соображать.

– Хорошо, с Фукаэри я встречу. Завтра в шесть на Синдзюку, в «Накамурая». Перекажу ей вашу идею в самых общих чертах. Ничего большего обещать не могу. Объяснить объясню, но согласия с ее стороны не гарантирую.

– Вот и прекрасно! Более чем достаточно.

– А... что вы ей обо мне рассказали?

– Ну, я-то больше о деле говорил, – оживился Комацу. – О тебе – в двух словах. Не женат, возраст лет под тридцать, детишкам в школе математику преподаешь. Здоровый как

медведь, но человек неплохой. Молоденьких девушек заживо не поедает. Живешь скромно, глаза добрые. И еще – большой фанат ее книги. Вот примерно и все...

Тэнго глубоко вздохнул. За какую бы мысль он ни пробовал уцепиться, действительность отказывалась ее принимать.

– Послушайте, господин Комацу, может, я спать пойду? На часах уже полвторого. Хотелось бы выспаться хоть немного, пока не рассвело. У меня завтра три пары лекций с утра.

– Да, конечно! Спокойной ночи, – отозвался Комацу. – Добрых снов.

И повесил трубку как ни в чем не бывало. Секунд тридцать Тэнго стоял, уставившись на трубку в руке, и лишь затем положил ее на рычаг. Он бы очень хотел заснуть. Добрые сны сейчас бы очень не помешали. Но прекрасно знал: теперь, когда его разбудили среди ночи – да еще таким разговором, – просто так заснуть не удастся. Можно, конечно, чего-нибудь выпить, но алкоголя сейчас не хотелось. В итоге Тэнго выпил стакан воды, вернулся в постель, зажег ночник, раскрыл книгу. Он надеялся читать, пока не заснет. Но сон пришел к нему только с рассветом.

Отчитав в колледже три пары лекций, Тэнго электричкой добрался до Синдзюку. Приобрел в «Кинокунии»¹⁵ несколько покетбуков и отправился в ресторан «Накамурая». На входе произнес фамилию Комацу, и его провели к тихому столику в самом дальнем углу заведения. Фукаэри пока не появилась.

– Подожду, когда придет дама, – сказал он официанту.

– Пока ждете, чего-нибудь выпьете? – уточнил тот.

– Нет, спасибо, – ответил Тэнго.

Официант поставил на столик стакан с водой, положил меню и исчез. Тэнго раскрыл только что купленную книгу. Об искусстве колдовства. О том, какую важную функцию осуществляло колдовство в японском социуме. Какую серьезную роль играли в древности заклинания для регулирования отношений между людьми. Как ворожба, привороты, заговоры и проклятья компенсировали недостатки и сглаживали противоречия общественной системы. Что и говорить, веселое было времечко.

В четверть седьмого Фукаэри по-прежнему не было. Тэнго продолжал читать, не особо расстраиваясь. Все равно неизвестно, о чем пойдет разговор. И упрекать ее за непредсказуемость поведения, пожалуй, не стоит. Ничего удивительного, если по дороге сюда она вдруг передумала и решила исчезнуть. Скорее даже, так будет проще всего. Тэнго отчитывается перед Комацу – дескать, прождал целый час, никто не пришел – и закроет тему. Что дальше – ему все равно. Поужинает в одиночку, поедет домой. И на том его моральный долг будет выполнен.

Фукаэри явилась в 6. 22. Официант подвел ее к столику, и она тут же села напротив, даже не сняв плаща. Положила на стол маленькие ладони и уставилась на Тэнго. Ни «простите, что опоздала», ни «давно ждете?», ни «здравствуйте», ни «очень рада» – никаких приветствий с ее губ не слетало. Эти губы оставались упрямо сжатыми целую минуту, пока Фукаэри изучала его лицо. Так, словно разглядывала диковинный пейзаж, раскинувшийся где-то на горизонте.

«Крепкий орешек», – подумал Тэнго.

Невысокая, миниатюрно сложенная, эта девушка оказалась еще красивее, чем на фотографии. Но, пожалуй, сильнее всего притягивали ее глаза. Выразительные и совершенно бездонные. Под их пристальным взглядом Тэнго никак не мог успокоиться. Она почти не моргала. И кажется, почти не дышала. Ее волосы падали на плечи так отвесно, будто их расчесывали под линейку, а такие же строгие и прямые брови вразлет идеально подходили к прическе. Как бывает у многих юных красавиц, ее лицу не хватало живости, а кроме того, в нем так

¹⁵ «Кинокуния» – старейшая и крупнейшая сеть книжных магазинов Японии. Один из самых известных – на станции Синдзюку.

и чудился странный, едва заметный дисбаланс. Возможно, из-за того, что она едва заметно косила, а может, еще почему, но от взгляда на это лицо становилось не по себе. Ибо угадать, о чем эта девушка думает, не было ни малейшей возможности. Красавиц такого рода не вербуют в поп-звезды или фотомодели. Но в реальной жизни именно они куда сильнее возбуждают и притягивают людей.

Захлопнув книгу, Тэнго отложил ее в сторону, выпрямился в кресле и пригубил воды из стакана. Пожалуй, Комацу прав: получи такая девушка премию «Дебют», журналоги от них не отстанут. И как водится, постараются раскопать что-нибудь скандальное. М-да. Без проблем тут, похоже, не обойдется.

Перед столиком вырос официант, поставил перед Фукаэри стакан с водой. Но девушка даже не шелохнулась. Ничуть не интересуясь меню, она продолжала разглядывать Тэнго. От нечего делать Тэнго раскрыл рот и сказал:

– Добрый день! – Перед ее хрупкой фигуркой он все острее ощущал себя великаном.

Не ответив на приветствие, Фукаэри продолжала смотреть на него. И наконец негромко сказала:

– *Я-тебя-знаю.*

– Ты меня знаешь? – переспросил Тэнго.

– *Ты-объясняешь-цифры.*

– Верно, – кивнул Тэнго.

– *Я-два-раза-слушала.*

– Мои лекции?

– *Да.*

В ее речи Тэнго подметил сразу несколько характерных особенностей. Скудность определений, острейшая нехватка интонаций и крайне бедный (а может, и *специально* обедняемый для эпатажа) словарный запас. Как и сказал Комацу: точно с луны свалилась.

– Значит, ты – студентка моего колледжа? – уточнил Тэнго.

Фукаэри покачала головой.

– *Я-только-слушала.*

– Но без студенческого билета в аудиторию не попасть, разве нет?

Она едва заметно пожала плечами. Словно говоря: ну ты даешь, дядя. Взрослый человек, а болтаешь такие глупости.

– Ну и как тебе мои лекции? – спросил Тэнго. Очередной вопрос, лишенный всякого смысла.

Не опуская взгляда, она поднесла к губам стакан с водой и отхлебнула. Раз приходила дважды, значит, в целом понравилось, предположил Тэнго. Иначе зачем бы пришла вторично?

– Значит, ты без пяти минут выпускница?

– *Пока.*

– А потом в какой вуз собираешься?

Она покачала головой. Что это могло означать – «не хочу говорить о вузе» или же «ни в какой не собираюсь», – Тэнго не понял. Только вспомнил ворчанье Комацу: «Да из нее лишнего слова не вытянешь!»

У столика вновь появился официант, пришлось делать заказ. Так и не сняв плаща, Фукаэри попросила салат и хлеб.

– *Это-все,* – сказала она как отрезала и уже вернула официанту меню, но в последнюю секунду вспомнила: – *И-белое-вино.*

Официант слегка дернулся, явно собираясь уточнить ее возраст, но, прошитый взглядом черных пристальных глаз, залился краской и прикусил язык. Ох и крепкий же орешек, снова подумал Тэнго. Себе он заказал лингвине с морепродуктами. И за компанию с дамой – бокал белого вина.

– *Учитель-пишет-книжки*, – произнесла Фукаэри ни с того ни с сего.

Чуть подумав, Тэнго решил расценить это как вопрос. Похоже, вопросы, звучащие как утверждения, – еще одна особенность ее марсианской речи.

– Бывает, – ответил он.

– *Не-похож-ни-на-то-ни-на-то*.

– Охотно верю. – Тэнго попробовал улыбнуться, но у него ни черта не вышло. – Лицензия преподавателя у меня, конечно, есть, но полноценным учителем меня назвать нельзя. А писать пробую, но еще ни одной книги не вышло, так что писатель из меня тоже пока никакой.

– *Ни-рыба-ни-мясо*.

– Точно, – кивнул Тэнго. – На сегодняшний день – ни рыба ни мясо.

– *Любишь-цифры*.

Мысленно привинтив к ее фразе очередной вопросительный знак, он ответил:

– Люблю. И в детстве любил, и сейчас.

– *Почему*.

– За что люблю цифры? – Он выдержал паузу, подбирая слова. – Как тебе объяснить... Когда погружаешься в цифры, на душе становится очень спокойно. Дальше остается лишь собрать все, что нужно, в правильном месте из необходимых кусочков.

– *Про-интегралы-понравилось*.

– Из моей лекции? – Фукаэри кивнула.

– А ты сама любишь цифры?

Она чуть заметно покачала головой. Нет, не люблю.

– Но про интегралы тебе понравилось? – уточнил Тэнго.

Она снова пожала плечиками.

– *Так-серьезно-рассказывал*.

– В самом деле? – удивился Тэнго. Что ни говори, а такого комплимента ему еще не отвечивали.

– *Как-про-близкого-человека*, – добавила она.

– Это что, – кивнул Тэнго. – Послушала бы ты мою лекцию о прогрессиях! Из всей программы подготовительного курса с прогрессиями у меня самые интимные отношения.

– *Почему*.

– Они очень похожи на равномерную температуру Баха. Никогда не надоедают. С ними всегда есть место для новых открытий.

– *Про-температуру-знаю*.

– Любишь Баха?

Фукаэри кивнула.

– *Сэнсэй-часто-слушает*.

– Какой сэнсэй?¹⁶ – уточнил Тэнго. – Из твоей школы?

Ничего не ответив, она продолжала глядеть на Тэнго. «Об этом говорить еще рано», – прочел он в ее глазах.

Спохватившись, она решила-таки снять плащ. Словно бывшая куколка покидает осточертевший кокон, юная девушка повела плечами, высвободила руки; сбросила, не складывая, плащ на соседний стул. И осталась в белых джинсах и светло-зеленом свитере с круглым воротом. Ни бижутерии. Ни косметики. И тем не менее – дьявольски привлекательна. Полная грудь при общей худобе ее хозяйки просто не могла не притягивать внимание. Тэнго не стоило туда

¹⁶ **Сэнсэй** (букв. *яп.* «ранее рожденный») – чаще всего переводится как «учитель», хотя может означать любого мастера своего дела или мудреца, к которому окружающие обращаются за советом. Помимо собственно преподавателей, сэнсэями в обиходе называют врачей, воспитателей, адвокатов, а также старших или просто умелых людей, от чьего опыта зависит выживание коллектива.

пялиться. Но взгляд то и дело устремлялся куда не следует. Все равно что наблюдать за водоворотом: как глаза ни отводи, по-любому затягивает в центр.

Принесли вино. Фукаэри отпила глоток. И, не сводя глаз с бокала, поставила его на стол. Тэнго пригубил совсем капельку. Все-таки разговор предстоял серьезный.

Фукаэри чуть поправила волосы, затем взяла одну прядь и медленно пропустила сквозь пальцы. Чарующий жест. Обворожительные пальцы. Каждый словно обладает своей независимой волей. И способен на отдельное колдовство.

– За что я люблю цифры? – переспросил он, чтобы хоть как-то отвлечься от ее пальцев и груди. – Несмотря на целую кучу заумных теорий, главные принципы в математике очень просты. Точно так же, как вода всегда течет сверху вниз по самому короткому пути, закон цифрового потока всегда один и тот же. И если хорошенько взглядеться в этот поток, нужное решение проступает само. От тебя требуется только внимательность. Делать ничего не нужно. Просто сосредоточься и следи, как цифры бегут перед глазами. И они тебе все расскажут. Более приветливых и благодарных собеседников я, пожалуй, не встречал никогда.

Какое-то время Фукаэри обдумывала услышанное. Потом разомкнула губы.

– *Зачем-книжки-пишешь*, – произнесла она без единой эмоции.

Тэнго развернул это в предложение подлиннее:

– Ты хочешь сказать, если мне так нравится математика, какого лешего напрягаться с писательством? Ковыряться бы в своих цифрах и горя не знал – ты об этом?

Она кивнула.

– Ну, видишь ли... Настоящая жизнь не похожа на математику. События в ней совсем не обязательно текут по кратчайшему пути. Для меня в цифрах, как бы лучше сказать, слишком много неизменной Природы. Все равно что красивый пейзаж. Ты просто сидишь в нем, и все. Менять ничего не требуется, да это и невозможно. Но если сидеть в этом пейзаже слишком долго, кажется, будто сам становишься призрачным, бестелесным. И это пугает...

Фукаэри глядела на Тэнго в упор. Так заглядывают в окно опустевшего дома, принимая к стеклу и пытаясь разобрать, что внутри.

– А когда пишешь, – продолжил он, – ты при помощи слов подстраиваешь окружающие пейзажи под себя, перекраиваешь под свою собственную природу. Реконструируешь, так сказать. И благодаря этому можешь убедиться в том, что ты есть. Что все-таки существуешь на этом свете... И здесь уже совсем другая работа, нежели с цифрами.

– *Убедиться-что-ты-есть*, – механически повторила она.

– У меня пока выходило не очень здорово, – признался Тэнго.

Объяснение Тэнго, похоже, не очень понравилось Фукаэри, но больше она ничего не сказала. Лишь поднесла к губам вино – и стала беззвучно потягивать его, будто через соломинку.

– В конце концов, – добавил Тэнго, – ты и сама занималась тем же. Однажды увиденное переписала своими словами. И смогла убедиться, что существуешь.

Замерев со стаканом в руке, Фукаэри ненадолго задумалась. Но ничего не сказала.

– Этот процесс ты облекла в форму. И эта форма называется «произведение», – продолжал Тэнго. – А если произведение нравится какому-то количеству читателей, – значит, у него есть объективная ценность.

Фукаэри вдруг резко покачала головой.

– *Форма-мне-до-фонаря*.

– Форма тебе до фонаря? – эхом повторил Тэнго.

– *В-форме-нету-смысла*.

– Но зачем было все это писать, а потом посылать на конкурс?

Она вернула бокал на стол.

– *Это-не-я*.

Чтобы как-то успокоиться, Тэнго взял стакан с водой и отпил сразу пару глотков.

– То есть в конкурсе ты участвовать не собиралась?

Фукаэри кивнула.

– *Я-ничего-не-посылала.*

– Но кто мог взять твой роман и отправить в издательство на соискание премии?

Девушка чуть поежилась. Помолчала секунд пятнадцать. И наконец ответила:

– *Кто-угодно.*

– Кто угодно... – повторил Тэнго.

И медленно выпустил воздух из легких. Как он и опасался, задачка так просто не решалась. Ну и дела.

До сих пор Тэнго не раз ходил на свидания с собственными ученицами. Точнее, с бывшими ученицами, которые уже поступили в вуз. Время от времени какая-нибудь очередная звонила и говорила, что хочет встретиться. Они встречались, о чем-то болтали, куда-то ходили. Что именно привлекало их в Тэнго, сам он не понимал. Но он ходил в холостяках, а чуть повзрослевшие девушки уже не являлись его подопечными, и никаких моральных преград для таких свиданий не оставалось.

Секс как продолжение этих свиданий у него случился лишь дважды. Дальше ни с одной не заладилось: обе исчезли без объяснений. Чего греха таить – с жизнерадостными девицами, только что поступившими в вуз, ему приходилось постоянно держаться начеку. Все равно что связаться с юной, еще не наигравшейся кошкой: поначалу свежо, и оттого любопытно, но уже очень скоро хочется послать все к черту. В свою очередь, и девицы узнавали с разочарованием, что их заоблачный учитель математики, такой обаятельный за кафедрой, в реальной жизни – совершенно другой человек. И Тэнго прекрасно их понимал.

Успокоиться у него получалось лишь с женщинами старше себя. Как только он видел, что ему не нужно играть ведущую роль, с души точно камень сваливался. Женщины постарше часто проявляли к нему интерес. И потому год назад, когда Тэнго сошелся с замужней дамой на десять лет старше, он прекратил всякие свидания с молодыми девицами. С новой же пассией они встречались раз в неделю в его квартирке, и это полностью утоляло его страсть к женскому полу (или, если угодно, потребность в таковом). Остальное свободное время Тэнго проводил в одиночестве дома – писал, читал книги, слушал музыку да иногда выходил поплавать в бассейне по соседству. Если не считать случайных разговоров с коллегами по работе, ни с кем не общался. И особых неудобств от этого не испытывал. Наоборот, именно такой способ жизни казался ему почти идеальным.

Однако сейчас, когда перед ним сидела семнадцатилетняя девчонка, он чувствовал в сердце странную дрожь. Ту же, что ощутил при виде ее фотографии, только сильнее. Эта дрожь не походила ни на романтическую влюбленность, ни на сексуальное влечение; здесь было нечто иное. *Нечто совсем иное* просачивалось через узенькую дверную щель в душу Тэнго, заполняя зиявшую там пустоту. По крайней мере, так ему казалось. И пустоту эту породила не Фукаэри. Пустота была в нем изначально. А Фукаэри в кои-то веки включила свет, чтобы он смог увидеть масштабы своего запустения.

– Значит, писательство тебе «до фонаря» и на конкурс ты ничего не посылала? – лишний раз уточнил Тэнго.

Не сводя с него глаз, Фукаэри кивнула. И поежилась, как от холодного осеннего ветра.

– И стать писателем ты не собираешься.

Тэнго вдруг поймал себя на том, что из его речи тоже начали исчезать вопросительные интонации. Определенно эта лингвистическая зараза передается воздушным путем.

– *Не-собираюсь,* – ответила Фукаэри.

Принесли заказ. Ей – овощной салат в большой тарелке и французские булочки. Ему – лингвине с морепродуктами. Нанизав на вилку листик латука, Фукаэри повертела его перед глазами, изучая его рассеянным взглядом, каким пробегают заголовки на газетном листе.

– Но, так или иначе, кто-то прислал «Воздушный кокон» на конкурс «Дебют». Этот роман, в числе прочих, попал ко мне на отбор, и я им очень заинтересовался.

– *Воздушный-кокон*, – повторила Фукаэри и прищурилась.

– Так называется твой роман, – сказал Тэнго.

Ничего не ответив, она продолжала щуриться.

– Или это название придумала не ты? – озадаченно спросил Тэнго.

Фукаэри чуть заметно кивнула.

В голове у Тэнго опять что-то сдвинулось, но он решил пока больше не спрашивать о названии. *Пока* нужно было двигаться дальше.

– Ну, это ладно. Во всяком случае, название неплохое. Задает атмосферу, по-своему интригует. Сразу хочется спросить, что это значит. Кто бы там его ни придумал, претензий к названию у меня нет. Лично я плохо понимаю разницу между коконом и куколкой, но это нестрашно. Главное – сама эта история запала мне в душу. Я показал рукопись господину Комацу. Ему тоже понравилось. Но чтобы подать ее на премию «Дебют», сказал он, текст нужно переработать. Сама-то история отменная, а изложение недотягивает. И эту литературную переработку он решил поручить не тебе, а мне. Я пока не дал своего согласия. Не согласился, но и не отказался. Поскольку сам не могу понять, правильно все это или нет.

Тэнго замолчал и взглянул на Фукаэри, ожидая ее реакции. Но реакции не последовало.

– Поэтому мне и нужно узнать, – добавил он тогда, – как ты относишься к тому, чтобы я переписал «Воздушный кокон» вместо тебя. Ведь что бы я сам для себя ни решил, если ты не согласна – тогда и делать не стоит.

Двумя пальчиками Фукаэри взяла с тарелки помидорку-черри, отправила в рот. Тэнго нанизал на вилку вареную мидию.

– *Делать*, – просто сказала она. И взяла очередную помидорку. – *Перепиши-как-хочешь*.

– А может, тебе нужно время подумать? – уточнил Тэнго. – Все-таки это очень важное решение.

Она покачала головой. Нет, не нужно.

– По идее, нужно переписать все так, чтобы главная история осталась как есть. Язык поменяется – и, полагаю, довольно сильно. Но автором все равно будешь ты. После всех метаморфоз это останется произведением, которое написала семнадцатилетняя Фукаэри. За это можешь не беспокоиться. Если роману дадут премию, получать ее будешь ты, и никто другой. Если его издадут отдельной книгой, на обложке будет значиться только твоя фамилия. Мы выступим единой командой: ты, я и главный редактор, господин Комацу. Но на поверхности, в официальном мире, будешь фигурировать ты одна. Остальные двое останутся за кулисами. Как механики сцены в спектакле. Понимаешь, о чем я?

Фукаэри подцепила вилкой веточку сельдерея, отправила в рот. И легонько кивнула:

– *Понимаю*.

– Как тут ни переписывай, «Воздушный кокон» – только твоя история. Она появилась из твоего сознания. Я не могу сделать ее своей, но могу помочь тебе на техническом уровне. Однако сам факт, что я тебе помогал, придется держать в секрете. Проще говоря, мы должны договориться о том, что общество будет нами в каком-то смысле обмануто. А ведь это очень не просто – всю жизнь носить в себе тайну и не проболтаться.

– *Все-будет-как-ты-захочешь*, – отозвалась Фукаэри.

Тэнго отделил лингвине от опустевших раковин на тарелке и собрался было доест, но передумал и отложил вилку. Фукаэри отправила в рот кусок огурца и принялась жевать его с видом, будто никогда в жизни такого не пробовала.

Он снова взялся за вилку.

– Итак, спрашиваю в последний раз. Значит, ты не против того, чтобы я переписал твой роман?

– *Делай-как-хочешь.*

– И как бы я ни переписал, ты возражать не будешь?

– *Не-буду.*

– Но откуда такая уверенность? Ты же меня совсем не знаешь!

Но Фукаэри лишь пожала плечами. Минуту-другую они молчали, занявшись едой. Фукаэри принялась за салат и лишь иногда отвлекалась, чтобы намазать масло на хлеб или глотнуть вина. Тэнго доедал лингвине, перебирая в уме возможные последствия тех или иных своих действий. И наконец, отложив вилку, сказал:

– Когда господин Комацу предложил мне все это, я не воспринял его всерьез. Только и подумал: ерунда какая-то. Получиться не может по определению! И вначале хотел отказаться. Но пришел домой, поразмыслил хорошенько – и решил: а почему бы не попробовать? Как это выглядит с моральной точки зрения – дело десятое. Но мне действительно захотелось придать «Воздушному кокону» новую форму. Это очень природное желание. Или, если угодно... что-то вроде *объективной потребности*.

Хотя нет, добавил он про себя. Прав Комацу: скорее уж это *субъективная страсть*. Совладать с которой чем дальше, тем сложнее.

Не говоря ни слова, Фукаэри глядела на него с нейтрально-задумчивым выражением на лице. словно очень старалась понять, что же он говорит.

– *Хочешь-переделать.*

Он посмотрел ей в глаза.

– Хочу.

В бездонной черноте ее глаз будто вспыхнул слабый огонь. По крайней мере, так показалось Тэнго.

– Не знаю, как лучше сказать, но... каждый раз, перечитывая «Воздушный кокон», я поражался: что увидела ты, стало видно и мне. Особенно сцены, где появляются *LittlePeople*. Все-таки у тебя уникальное воображение. Оригинальное и очень... заразительное, что ли.

– *LittlePeople-существуют-на-самом-деле*, – очень тихо произнесла Фукаэри.

– Существуют?

Она помолчала. Потом добавила:

– *Так-же-как-мы-с-тобой.*

– Так же, как мы с тобой? – эхом повторил Тэнго.

– *Увидишь-если-захочешь.*

В упрощенной речи Фукаэри ощущалась странная сила. Как будто в каждое произносимое слово она вбивала точно подобранный по размеру клинышек. Но все ли в порядке у нее с головой? Этого Тэнго пока не разобрал. Определенно девочка слегка не от мира сего. Возможно, у нее какой-то природный дар. Возможно даже, перед ним сидит сама гениальность. А может, и наоборот: ничего особенного в ней нет, и все ее странности – обычные ужимки неглупой семнадцатилетней красотки, желающей выглядеть эксцентрично. Отсюда и в речи сплошь намеки да недоговорки, лишь бы сбить собеседника с толку. Подобных персонажей Тэнго перевидал немало. Где у них настоящие чувства, а где игра, порой сам черт не разберет. Тэнго решил вернуть разговор в русло реальности. Или, по крайней мере, как можно ближе к оной.

– В принципе, я готов начать работу над «Коконом» хоть завтра, – сказал он.

– *Делай-как-хочешь*, – прозвучало в ответ.

– Хорошо, – сказал он.

– *Но-ты-должен-встретиться-с-одним-человеком.*

– Это можно, – согласился он. Фукаэри кивнула.

– А что за человек? – уточнил Тэнго.

Словно не услышав вопроса, она продолжала:

– *Встретиться-и-поговорить.*

– Если нужно, не вижу проблем.

– *В-воскресенье-утром-свободен,* – проговорила она, обрубив очередной знак вопроса.

– Свободен, – кивнул Тэнго.

Прямо не разговор, а какое-то общение сигнальными флажками, – пронеслось у него в голове. Ужин закончился, и Фукаэри ушла. Тэнго прошел к розовому телефону-автомату у выхода, зарядил в него сразу несколько десятииеновых монеток и набрал на диске служебный номер Комацу. Тот был еще на работе, но отозвался далеко не сразу. Долгие десять гудков Тэнго терпеливо ждал, прижав к уху трубку.

– Ну как? Успешно? – первым же делом спросил Комацу.

– Согласие Фукаэри на то, чтобы я переписал «Воздушный кокон», мы, в принципе, получим. Скорее всего.

– Вот молодец! – отозвался Комацу, и его голос тут же зазвучал энергичнее. – Замечательно! А то, если честно, я все-таки немного беспокоился. Ну, что такие переговоры, возможно, не твой конек и так далее...

– Да я и не вел никаких переговоров, – сказал Тэнго. – И убеждать никого не пришлось. Просто объяснил ситуацию, а дальше Фукаэри как бы сама все решила.

– Ну, это как угодно. Главное – результат достигнут! Теперь наш проект выходит на новую стадию...

– Один момент. Прежде чем она окончательно согласится, мне придется встретиться с одним человеком.

– С кем?

– Пока не знаю. Но она хочет, чтобы я с ним встретился и поговорил.

Несколько секунд Комацу молчал. Потом спросил:

– И когда вы встречаетесь?

– В воскресенье. Она меня к нему отвезет.

– Насчет конфиденциальности, – сказал Комацу, – помни главное: чем меньше народу будет знать о проекте, тем лучше. В настоящий момент о нем знают лишь три человека: ты, Фукаэри и я. Без особой нужды старайся эту цифру особо не увеличивать. Понимаешь, о чем я?

– Теоретически, – ответил Тэнго.

Неожиданно голос Комацу стал мягче:

– Так, говоришь, сама решила тебе рукопись передать? Так это, брат, самое главное! Уж дальше-то, я убежден, все случится само...

Тэнго переложил трубку в левую руку. И пальцами правой с силой потер себе веки.

– Знаете, господин Комацу... Не по себе мне как-то. Не скажу, что на то есть какие-то веские аргументы, но постоянно кажется, что я ввязываюсь во что-то... совсем не мое. Когда с Фукаэри говорил, ничего такого не чувствовал, а расстался с нею – и это ощущение только усилилось. То ли предчувствие дурное, то ли просто душа не лежит – не знаю, но есть во всем этом проекте что-то странное. Ненормальное, если угодно. Я не от головы сейчас говорю. Нутром чую.

– То есть тебе так стало казаться уже после встречи с ней?

– Возможно. Все-таки она какая-то... настоящая. Хотя, конечно, это всего лишь мое ощущение.

– Ты хочешь сказать, настоящий гений?

– Насколько она гениальна, сказать не могу, – ответил Тэнго. – Все-таки видел ее впервые. Но не исключаю, что ей видно то, что нам разглядеть не дано. Возможно, у нее какой-то необычный природный дар. Или что-то вроде этого.

– То есть с головой не все в порядке? Ты об этом?

– Эксцентричность в поведении присутствует, да, но с головой, похоже, все нормально. Реагирует на все адекватно, – сказал Тэнго и выдержал паузу. – Просто что-то в ней... не от мира сего.

– Но как бы там ни было, к такому человеку, как ты, интерес она проявила, – подытожил Комацу. – Так или нет?

Тэнго поискал слова для ответа, но ничего подходящего не нашел.

– Ну, не знаю, – только и сказал он.

– После разговора с тобой она решила, что право на переделку ее романа у тебя есть, – продолжил Комацу. – Иными словами, ты ей понравился. Да ты, брат, просто молодчина! Что будет дальше, я сам не знаю. И риск, конечно же, остается. Но пойми одно: риск – очень ароматная специя для блюда человеческой жизни. Именно поэтому ты должен как можно скорее приступить к работе над «Коконом». Времени в обрез. Уже очень скоро роман нужно будет вернуть на конвейер рукописей-кандидатов. Разумеется, уже в переписанном виде. Десять дней тебе хватит?

Тэнго перевел дух.

– Жестковато, конечно...

– Оттачивать до последнего слова сейчас смысла нет. Все равно еще будет время для редакторской правки. Главное – переделай основу как подобает.

Тэнго прикинул в уме объем работы.

– Ну, если так, за десять дней, пожалуй, справлюсь.

– Тогда – вперед, – только что не пропел Комацу. – Смотри на мир ее глазами! Ты будешь посредником, который соединит мир Фукаэри с этой реальностью. Поверь мне, дружище, это тебе по плечу! Уж я-то тебя...

Но тут монетки закончились, и связь прервалась.

Глава 5

Аомамэ

Работа, требующая навыка и тренировки

Разделавшись с заданием, Аомамэ прошла пару кварталов пешком, затем поймала такси и отправилась в отель на Акасаке. Перед тем как вернуться домой и заснуть, нужно было снять напряжение алкоголем. Что ни говори, а сегодня она переправила кое-кого в мир иной. Пускай человек этот был дерьмовее некуда и точно заслуживал смерти, но все-таки – человек. Кончики ее пальцев еще помнят, как из-под них уходила чужая жизнь. Помнят дрожь последнего вздоха перед тем, как душа отделилась от тела. В этом баре Аомамэ бывала уже не раз. Верхний этаж, уютная стойка, прекрасный вид из окна.

В бар она вошла в начале восьмого. На крошечной сцене молодые гитарист и пианистка исполняли «Sweet Lorraine». Аранжировка – точь-в-точь Нэт Кинг Коул со старенькой пластинки, очень недурно. Как обычно, Аомамэ присела за стойку, заказала джин-тоник и фисташки. В баре было пока немногочисленно. Юная парочка любовалась закатом, потягивая коктейли, четверо бизнесменов в костюмах обсуждали очередную сделку да чета иностранцев средних лет медитировала над бокалами с мартини. Аомамэ потягивала джин-тоник не спеша. Если пить быстро, захмелеешь почти сразу. А до ночи еще далеко.

Она достала из сумки книгу, почитала немного. Книга была о Южно-Маньчжурской железной дороге 1930-х годов. Сама дорога и права на ее эксплуатацию перешли от России к концерну ЮМЖД в 1905-м, по окончании Русско-японской войны. Сразу после этого дорога начала стремительно достраиваться и вскоре превратилась в стратегическую трассу для дальнейшего вторжения Императорской армии в Китай, из-за чего советские войска и демонтировали ее в 45-м. А до 41-го, пока Германия не напала на СССР, Маньчжурская дорога соединялась с Транссибирской магистралью, благодаря чему из порта Симоносэки¹⁷ до Парижа можно было добраться за какие-нибудь тридцать дней.

Миловидная девушка в деловом костюме, поставив на соседний табурет огромную сумку, увлеченно читает историю Маньчжурской железной дороги. Даже если она при этом пьет в одиночку за стойкой бара, вряд ли ее можно принять за гостиничную проститутку в ожидании клиента. Впрочем, что надевают и как ведут себя проститутки в таких местах, Аомамэ представляла смутно. Возможно, будь она шлюхой на охоте за богатеньким бизнесменом, еще до прихода сюда рассчитала бы: чтобы не напрягать собеседника и чтоб не гнали из бара, нужно прежде всего не выглядеть шлюхой. Нацепить, к примеру, деловой костюмчик от Дзюнко Симеды. Косметики – совсем чуть-чуть. Для пущей солидности – большая сумка через плечо и книга (твердый переплет!) о Маньчжурской железной дороге. Если так рассуждать, вывод получается только один: в том, как Аомамэ выглядит и чем сейчас занимается, между нею и шлюхой в режиме ожидания разницы никакой.

Время шло, в баре начали собираться посетители. Со всех сторон уже слышалась оживленная болтовня. Однако клиента в ее вкусе все не появлялось. Аомамэ заказала еще джин-тоника, овощной соломки (она до сих пор не ужинала) и почитала еще немного. Пока наконец какой-то мужчина не присел за стойку неподалеку. Один, без компании. Загорелый, в дорогом костюме цвета электрик. Галстук подобран со вкусом. Не слишком броско, но и не заурядно. Возраст – около пятидесяти. Волосы на голове уже совсем поредели. Очков не носит. Наверняка в командировке – приехал в Токио на день, разделался с работой и перед сном решил

¹⁷ **Симоносэки** – крупный порт на юго-западе японского острова Хонсю. 17 апреля 1895 г. в нем был подписан Симоносэкиский договор, завершивший Японо-китайскую войну 1894–1895 гг.

пропустить стаканчик чего покрепче. Совсем как Аомамэ. Накопившееся напряжение не снять ничем, кроме спиртного.

Но простые служаки из провинции обычно не останавливаются в таких дорогих отелях. Их стандартное прибежище – отелишки экономкласса где-нибудь рядом с метро. Такие, где почти весь номер занимает кровать, из окна видно только соседнее здание, и, пока примешь душ, отобьешь все локти о стены. А в коридорах расставлены платные автоматы с напитками и туалетными принадлежностями. На отель поуютнее им, как правило, не хватает командировочных, а если и хватает, они все равно селятся где подешевле и сэкономленную сумму прячут в карман. Перед сном наливаются пивом в дешевом кабаке за углом, а завтракают в кругло-суточной забегаловке простецким гюдоном¹⁸.

В отеле же вроде этого останавливаются люди совершенно иного сорта. Эти люди приезжают в Токио исключительно в «зеленых» вагонах Синкансэна¹⁹ и останавливаются только в пятизвездочных гостиницах. Покончив с делами, заваливаются в тамошний бар и потягивают сверхдорогие напитки. Как правило, это служащие-управленцы крупных компаний. А также преуспевшие бизнесмены, врачи или адвокаты. Возраста среднего или старше. В средствах не ограничены. И кто больше, кто меньше, но явно не прочь поразвлечься. Тот самый тип, на который нацелилась Аомамэ.

Еще когда ей не было двадцати, она заметила за собой странную склонность: непонятно с чего ее привлекали мужчины средних лет с поредевшими волосами. Не лысые, а именно *лысоватые*. Причем одними волосами дело не ограничивалось: крайне важную роль играла форма черепа. Если череп неправильный – не вариант. Идеалом же *лысоватой* мужской головы для нее была голова Шона Коннери. И череп что надо, и вообще сексуально. От одного взгляда сердцу тесно в груди. Мужчина, присевший у стойки за пару табуретов от нее, обладал весьма привлекательным черепом. Конечно, не Шон Коннери, но примерно в том же духе. Долгие залысины убегали от висков почти к затылку, а редкие волосы напоминали остатки травы на лугу в конце осени. То и дело отрывая взгляд от страницы, Аомамэ украдкой изучала незнакомца. В лице ничего примечательного. Не толстяк, хотя на шее небольшие складки. Под глазами круги. Обычный мужик средних лет, каких пруд пруди. Но форма черепа, стоит признать, совсем неплоха.

Бармен принес меню, но мужчина, даже не заглянув туда, сразу заказал скотч с содовой.

– Какой виски предпочитаете? – спросил бармен.

– Все равно. Полагаюсь на вас, – ответил мужчина. Негромко, спокойно. Слегка по-кансайски²⁰. И спохватился: – А может, есть «Катти Сарк»?

– Разумеется, – отозвался бармен.

Неплохо, снова подумала Аомамэ. Мужчины, которые заказывают в баре «Чивас Ригал» или сингл-молт, нравились ей куда меньше. С теми, кто чересчур привередлив в выборе виски, потом оказывается скучно в постели. Таково было ее маленькое личное наблюдение. Хотя, какая тут связь, она и сама не знала.

Кансайский диалект Аомамэ любила. Особенно ей нравилось слушать уроженцев Кансая, которые приехали в Токио и стараются говорить по-столичному. Все эти несовпадения слов и интонаций ее возбуждали – и в то же время, как ни странно, успокаивали душу. Вот с ним и

¹⁸ **Гюдон** – одно из самых простых и дешевых блюд японской кухни: тонкие ломтики говядины, обжаренные с луком, разложенные на рисе и политые имбирно-соевым соусом.

¹⁹ **Синкансэн** (яп. букв. «новая магистраль») – сверхскоростной пассажирский поезд, а также сеть железных дорог для таких поездов между городами Японии. «Зеленые» вагоны – аналог авиационного бизнес-класса – отличаются повышенной комфортабельностью, и билеты в них стоят примерно вдвое дороже обычных.

²⁰ Диалект, на котором говорят в районе Кансай (центральные города – Кёто, Осака, Кобэ), на слух отличается от академического японского и традиционно считается «языком гейш и истинных самураев». Кансайскому диалекту чаще всего противопоставляют «столичный» диалект района Тохоку (с центрами в Иокогаме и Токио), который также по-своему отличается от классического японского языка.

попробуем, решила она. Уж очень хочется запустить пальцы в эти слегка поредевшие волосы. Как только бармен принес мужчине заказ, она тут же махнула рукой и достаточно громко, чтобы лысоватый услышал, попросила:

– «Катти Сарк» со льдом, будьте добры!

– Одну секунду, – бесстрастно отозвался бармен.

Мужчина расстегнул верхнюю пуговицу сорочки. Ослабил галстук – темно-синий в мелкую клеточку, одного тона с костюмом. Сорочка бледно-голубая. Уткнувшись в книгу, Аомамэ ждала, когда принесут «Катти Сарк». И словно бы невзначай расстегнула пуговицу на блузке. Оркестр исполнял «It's Only a Paper Moon». Пианист разворачивал импровизацию. Принесли «Катти Сарк», Аомамэ подняла стакан, пригубила. Мужчина стрельнул глазами в ее сторону. Оторвавшись от книги, она подняла голову и посмотрела на него. Не пристально, как бы случайно. Когда их глаза встретились, легонько, совсем невзначай улыбнулась. И перевела взгляд на вечерний пейзаж за окном.

Идеальный момент для мужчины, чтобы заговорить с женщиной. Она подготовила для этого все, что нужно. Но мужчина бездействовал. Идиот, разозлилась Аомамэ. Чего ты там тянешь кота за хвост? Вроде давно не мальчик. Или все эти намеки с нюансами тебе непонятны? А может, просто смелости не хватает? Тебе пятьдесят, мне двадцать с хвостиком. Боишься, что позовешь, а я не отвечу? А то и выставлю старым дураком на весь бар? Ну и ну. Ничего ты не понял, как я погляжу...

Она захлопнула книгу, спрятала в сумку. И заговорила с мужчиной сама.

– Любите «Катти Сарк»? – спросила Аомамэ.

Мужчина удивленно посмотрел на нее. Состроил такую мину, будто не понял, о чем его спрашивают. Но в итоге сломался.

– Что?.. Ах да, «Катти Сарк», – отозвался он, словно что-то вспоминая. – Еще в молодости этикетка понравилась, с тех пор и пью. Там на этикетке парусник, знаете?

– Значит, любите парусники?

– Да, паруса люблю.

Аомамэ подняла свой стакан. Мужчина приподнял свой. Дескать, за вас.

Она встала, перекинула сумку через плечо и, пройдя со стаканом в руке на два места вправо, присела на табурет рядом с мужчиной. Тот опять удивился, но на сей раз постарался этого не показать.

– Назначила встречу бывшей однокласснице, – пояснила Аомамэ. – Битый час жду, а ее все нет. И телефон не отвечает.

– Может, число перепутала?

– Похоже на то, – кивнула Аомамэ. – Она и в школе была такая растяпа! Подожду еще немного да пойду, наверное. А пока можно с вами поболтать? Или вам хочется побыть одному?

– Да нет, что вы... Совсем наоборот! – поспешно и несколько бессвязно ответил мужчина. И, слегка сдвинув брови, окинул Аомамэ взглядом оценщика в ломбарде. Явно пытаюсь удостовериться, что перед ним не замаскированная проститутка. Однако Аомамэ, сколько ни разглядывай, никак не походила на проститутку. Напряжение во взгляде мужчины понемногу рассеялось.

– Вы остановились в этом отеле? – поинтересовался он.

Аомамэ покачала головой.

– Нет, я живу в Токио. А здесь просто назначила встречу подруге. А вы?

– В командировку приехал, – ответил мужчина. – Из Осаки. На совещание. Вообще-то у моей фирмы головной офис в Осаке, а в Токио только отделение. И когда совещание здесь, кому-то обязательно нужно приехать. Такие дела.

Аомамэ вежливо улыбнулась. «Эй, дядя, – подумала она про себя, – твоя паршивая работа меня интересует не больше, чем голубиное дерьмо на асфальте. По-настоящему мне в тебе интересна лишь форма твоего черепа». Но вслух, понятно, ничего не сказала.

– Сегодня большую работу закончил, вот решил пропустить стаканчик, – продолжил мужчина. – Завтра с утра еще одна встреча, а потом назад в Осаку.

– Я тоже сегодня закончила одну очень важную работу, – сказала Аомамэ.

– Вот как? И чем же вы занимаетесь?

– О работе не очень хочется говорить. В общем, узкопрофильная специальность.

– Узкопрофильная специальность, – повторил мужчина. – Работа, доступная далеко не каждому, поскольку требует высокопрофессиональных навыков и тренировки.

«Тоже мне, ходячая энциклопедия!» – подумала Аомамэ, но, выдавив улыбку, ответила:

– Да, что-то вроде.

Мужчина глотнул еще скотча, закусил орешками из блюда.

– Мне, конечно, любопытно, кем вы работаете, но раз вам не хочется об этом говорить...

Аомамэ кивнула:

– Прямо сейчас – неохота.

– А может, ваша работа связана с большим количеством слов? Допустим, редактор? Или ученый в институте?

– Почему вы так решили?

Он взялся за галстук, без особой нужды поправил узел.

– Да так... Уж больно внимательно читаете такие толстые книги.

Аомамэ легонько постучала ногтями по краю стакана.

– Книги читаю, потому что нравится. С работой это не связано.

– Ну, тогда сдаюсь. Даже представить себе не могу.

– Это уж точно, – сказала Аомамэ.

«И наверно, не сможешь до самой смерти», – добавила она про себя.

Ненавязчиво, словно бы невзначай, он ощупывал взглядом ее тело. Аомамэ сделала вид, будто уронила какую-то безделицу, и нагнулась за ней, позволив мужчине заглянуть в вырез блузки как можно глубже. Насколько она знала, грудь в таком случае открывалась неплохо. Не говоря уже о комбинации с кружевами. А затем выпрямилась на табурете и залпом допила «Катти Сарк». Здоровенный ледяной шар в стакане испустил интригующий треск.

– Заказать вам еще? Я точно буду, – предложил мужчина.

– Будьте любезны, – согласилась Аомамэ.

– Я смотрю, вы совсем не хмелеете...

Она загадочно улыбнулась. Но тут же и посерьезнела:

– Ах да! Совсем забыла. Я же хотела у вас кое-что спросить.

– Что именно?

– Вы не заметили, у полицейских в последнее время не менялась форма одежды? Или модель пистолета в кобуре?

– В последнее время? – задумался он. – Это когда?

– На этой неделе.

Лицо мужчины озадаченно вытянулось.

– Да, и форма, и оружие у полиции действительно поменялись. Но это случилось несколько лет назад. До того ходили подтянутые, а потом их мундиры начали превращаться в одежду для выхода в магазин. И пистолеты стали автоматическими. С тех пор никаких особых изменений я не заметил.

– Погодите. Еще неделю назад все японские полисмены носили револьверы, нет?

Мужчина покачал головой:

– Нет. Пистолеты у них автоматические.

– Вы абсолютно в этом уверены?

От такого вопроса собеседник завис. Сдвинул брови, всерьез напряг память.

– Ну, всего не упомнишь, но насчет модернизации полицейских пистолетов тогда много шумели в газетах. Дескать, их новое оружие слишком... э-э... чувствительно для решения повседневных проблем. Куча организаций тогда заявили правительству серьезный протест.

– Несколько лет назад? – уточнила Аомамэ.

Мужчина подозревал бармена, человека, лет на пять старше. И повторил ему вопрос: когда именно поменялись оружие и форма сегодняшних полицейских?

– Два года назад, по осени, – ответил бармен, не задумываясь.

– Вот видишь? – рассмеялся мужчина. – Даже бармену в отеле об этом известно!

Бармен также усмехнулся.

– Да нет, что вы! – пояснил он. – Просто мой младший брат в полиции служит, вот я и помню... Он еще жаловался, что никак не привыкнет к новой форме. И что пистолет слишком тяжелый. До сих пор еще ворчит. Новая «беретта» у них автоматическая, переключил рычажок – и превращается в полуавтомат. А выпускает ее «Мицубиси» по эксклюзивной лицензии, только для полицейских всей страны. Но японцы слишком редко стреляют друг в друга. И по большому счету в настолько чувствительном оружии, да еще в таких количествах никакой нужды нет. Только больше головной боли, если такие игрушки крадут. Но что делать, если правительство решило повысить боеспособность полиции?

– А что стало со старыми револьверами? – спросила Аомамэ как можно безразличнее.

– Все изъяли на разборку и переплавку, – ответил бармен. – Помню, еще в новостях показывали, как их разбирают. Вы представляете, сколько нужно времени и сил, чтобы разобрать такую гору револьверов и утилизировать такую кучу патронов?

– Лучше б за границу продали, – вздохнул лысоватый клерк.

– Экспорт оружия запрещен Конституцией, – напомнил бармен.

– Вот видишь? Даже простой бармен в отеле... – снова начал было мужчина, но Аомамэ перебила его:

– Вы хотите сказать, что вот уже два года полиция вообще не носит револьверы?

– Насколько я знаю, нет.

Аомамэ нахмурилась. Может, у нее с головой не в порядке? Не далее как сегодня утром она встретила полицейского в старой форме и с револьвером в кобуре. Мало того, до сих пор ей ни разу не доводилось слышать о том, чтобы все револьверы в стране – все до единого! – вдруг уничтожили. Но, с другой стороны, не могут же лысоватый с барменом ошибаться одновременно – или тем более морочить ей голову, сговорившись заранее! Выходит, заблуждается она сама?

– Спасибо! У меня больше вопросов нет, – сказала она бармену. Тот улыбнулся профессиональной улыбкой и вернулся к работе.

– Значит, тебе нравятся полицейские? – уточнил лысоватый.

– Глупости, – покачала она головой. – Просто память заплутала немного.

Они выпили очередной «Катти Сарк» – он с содовой, она со льдом, – и мужчина заговорил о парусниках. Дескать, в одной из бухточек Нисиномии²¹ у него пришвартована небольшая яхта. И как только выдается свободное время, он ставит парус и выходит в Закрытое море²². Он пытался убедить ее, как это здорово – остаться с собой наедине и всем телом чувствовать морской ветер. Но Аомамэ было плевать на его море. Рассказал бы лучше об изобретении шарик-

²¹ Нисин^омия – западный пригород Осаки.

²² Закрытое, или Внутреннее Японское море (яп. Сэто-Найкай) – море Тихого океана, со всех сторон окруженное островами Хонсю, Кюсю и Сикоку.

коподшипников или о системе энергоснабжения на Украине – все интереснее. Она скользнула глазами по часам на руке.

– Уже поздно. Можно задать откровенный вопрос?

– Конечно.

– Даже, как бы сказать... очень личный вопрос?

– Отвечу, как могу.

– У тебя крупный пенис?

Мужчина приоткрыл рот, сощурился и пристально посмотрел на нее. Словно не поверил своим ушам. Но лицо Аомамэ оставалось серьезным. По глазам было видно: она не шутила.

– Как сказать, – так же серьезно ответил он. – Я не сравнивал. Наверно, обычный. Так внезапно спросила... Не знаю, что и ответить.

– Тебе сколько лет?

– Пятьдесят один, – произнес он неуверенно. – В прошлом месяце стукнуло.

– Мужик в пятьдесят один год с мозгами, работой и яхтой не знает, большой или маленький у него пенис?

– Ну... может, крупнее среднего, – выдавил он, задумавшись на пару секунд.

– Уверен?

– Да на что тебе сдался мой пенис?

– Сдался? Кто сказал, что он мне сдался?

– Н-никто не говорил. Просто... – Мужчина заерзал на табурете. – У тебя с этим какие-то проблемы?

– У меня с этим никаких проблем нет, – отрезала Аомамэ. – Просто лично я предпочитаю крупноватые. Визуально. Это не значит, что от маленьких я не кончаю. Это также не значит «чем больше, тем лучше». Просто люблю размеры чуть больше среднего. Что тут странного? У каждого свои предпочтения. Вот, скажем, совсем огромные уже не по мне. Только больно и ничего больше. Понимаешь, о чем я?

– Ну тогда, может, тебе и понравится, не знаю. У меня не то чтобы очень огромный, но чуток побольше обычного. Вроде бы в твоём вкусе.

– Не врешь?

– Да зачем мне врать-то?

– Хмм... А показать можешь?

– Здесь?!

Стараясь совладать с собой, Аомамэ снова скорчила мину.

– Здесь? Ты с ума сошел? И не стыдно в твои-то годы? Только погляди на себя: дорогой костюм, стильный галстук, а манеры – как у гориллы. Хочешь прямо здесь вывалить свое хозяйство? А что люди вокруг подумают, тебя не заботит? Нет уж, теперь нам только одна дорога: идем-ка в твой номер. Там ты снимешь трусы и покажешь мне то, чем хвастался. С глазу на глаз. По-другому никак!

– Ну, покажу... И что потом? – с явным беспокойством поинтересовался он.

– Что потом? – Аомамэ задержала дыхание, чтобы только не скривиться пуще прежнего. – А потом займемся сексом, разве не ясно? Чем нам еще заниматься? Или ты думаешь, что вывалишь мне свое добро, а я тебе: «Вот спасибо! Классную штуковину показал. Ну ладно, спокойной ночи»? Да у тебя с головой все в порядке?

Потеряв дар речи, мужчина во все глаза смотрел, как трагически меняется ее лицо. Большинство мужчин не выдерживали этого зрелища. А малые дети при виде ее гримас, бывало, мочили штанишки. Слишком уж агрессивное выражение появлялось на ее физиономии в такие секунды. «Что-то я перестаралась, – подумала Аомамэ. – Нельзя его так пугать. Нам ведь с ним еще...» Спohватившись, она срочно привела лицо в порядок и выдавила улыбку поприветливей.

– Короче, мы должны пойти в твой номер, залезть в постель и трахнуть. Ты ведь не гей? И не импотент?

– Да нет... У меня двое детей!

– Эй, кто тебя спрашивает, сколько у тебя детей? Я что, агент по переписи населения? Я всего лишь хочу знать, встает ли у тебя член, когда ты с бабой в постели.

– До сих пор еще ни разу не подводил, но... – Мужчина замялся. – Но ты точно не профи? То есть это не по работе?

– Да иди ты! Я не профи. Не извращенка. Самая обычная гражданка. Которая прямо спрашивает обычного гражданина, не хотел бы он с нею переспать. Что тут странного? Женщина весь день пахала, вечером немного выпила и хочет расслабиться, переспав с кем угодно. Сбросить напряжение. Это ей нужно как воздух. Если ты мужик, должен сам понимать.

– Ну, это я как раз понимаю...

– А деньги твои – если ты об этом – мне на фиг сдались! Да я сама приплачу, лишь бы кончить по-человечески. Резинками я запаслась, насчет заразы можешь не беспокоиться. Понимаешь, нет?

– Да, но...

– Все тебе неможется. Я что, не в твоём вкусе?

– Нет, что ты! Просто непонятно. Такая молодая. Я ведь тебе в отцы гожусь...

– Не болтай ерунды, я тебя умоляю! Сколько бы лет нас ни разделяло, я не твоя дочка и ты мне не папочка. Такие дурацкие сравнения только напрягают всех. Если честно, я просто люблю лысеющих мужиков. У тебя прикольная форма черепа, ясно?

– Да разве я лысею? – Мужчина погладил себя по голове. – Чуток поредело, конечно, но в целом...

– Эй, зануда! – Аомамэ с трудом удержалась, чтобы опять не скривиться. – Кому это интересно? Кончай языком трепать. Давай лучше делом займемся, а?

«Что бы ты ни воображал себе, дядя, – подумала она, – ты лысеешь, и от этого факта не отвертеться. Если бы проводили перепись лысеющего населения, ты бы в те списки попал на все сто. Суждено тебе в рай – вознесешься в рай для лысых. Суждено в ад – угодишь в такой же ад. Понял, нет? И не фиг уворачиваться от реальности. Хватит уже, пойдем! Я покажу тебе рай для красиво лысеющих идиотов».

Мужчина оплатил счета, и они прошли к нему в номер. Пенис и правда оказался чуть больше среднего, хотя и огромным не назовешь. Самооценка хозяина была адекватной. Наигравшись с пенисом вдоволь, Аомамэ сделала его большим и твердым. А затем сняла блузку и юбку.

– Ты, наверно, считаешь мою грудь слишком маленькой, – произнесла она ледяным тоном, глядя на мужчину снизу вверх. – У тебя-то вон какой агрегат, не то что мои сиськи. Небось жалеешь, что прогадал?

– Вовсе нет! У тебя отличная грудь. Очень красивая.

– Да ладно! – вздохнула Аомамэ. – Вообще-то я не ношу лифчиков с такими дурацкими кружевами. Но для работы пришлось надеть. Чтобы сиськи показать, когда нужно.

– Да что за работа такая?

– Я же сказала, здесь и сейчас о работе говорить не хочу. Но чтоб ты знал: какая бы работа ни выпадала, быть женщиной – дело нелегкое.

– Ну, мужикам тоже несладко по-своему.

– Но вам-то кружевных лифчиков надевать не приходится. Верно?

– Это верно. И все-таки...

– Ой, только не делай вид, что все понимаешь! Ты когда-нибудь спускался по крутой лестнице на шпильках? Или перелезал через забор в мини-юбке?

– Прости, – искренне ответил мужчина. Аомамэ завела руку за спину, расстегнула лифчик, бросила на пол. Скатала чулки – они полетели туда же. А затем растянулась на кровати и продолжила игру с его членом.

– Какая все-таки красивая штуковина! – сказала Аомамэ. – Не устаю удивляться. И по форме, и по размеру – просто идеальная. И если нужно, становится твердой, как корень у сосны.

– Спасибо за сравнение, – с явным облегчением отозвался мужчина.

– Ну, сейчас тебя сестренка побалует, – пообещала пенису Аомамэ. – Повеселишься на славу!

– А может, сначала душ примем? – предложил он. – Я за день набегался, весь в поту...

– Замолчи, – отрезала она. И для остротки слегка крутанула его левое яичко. – Я сюда пришла трахаться, а не душ принимать. Ясно тебе? Сначала секс. *Такой, чтоб мозги вышибало*, понял? А пот мне твой до фонаря. Я тебе не школьница на первом свидании.

– Понял, – сказал мужчина.

После бурного секса мужчина перекатился на живот и затих. Поглаживая пальцами его шею, Аомамэ вдруг испытала дикое желание вонзить ему в *ту самую точку* жало своего инструмента. Желание это было настолько сильным, что она и вправду задумалась: а почему бы нет? Инструмент лежит в сумочке, бережно спеленатый в мягкую ткань. Тоненькая игла, которую она так долго затачивала, защищена мягкой пробкой от побочных воздействий. Было бы желание, а исполнить его – раз плюнуть. Сжимаешь правой ладонью, тихонько спускаешь затвор натянутой до предела деревянной пластинки. Бац! Бедняга и понять ничего не успеет, как будет уже на том свете. Без боли, без мук. Так, что и смерть наверняка сочтут ненасильственной... И все же она взяла себя в руки. Никакого резона вычеркивать этого человека из жизни. Кроме разве того, что самой Аомамэ оставаться в живых больше не было смысла. Она помотала головой, отгоняя опасные соображения.

Ведь, по сути, совсем неплохой человек, сказала она себе. И в сексе по-своему интересный. Пока не довел меня до оргазма, не позволял себе кончить, все подыгрывал моим ритмам. О форме черепа я уж не говорю. И размер пениса в самый раз. Галантен, одевается стильно, не давит собой. Воспитан неплохо. Зануда, конечно, каких свет не видал. Но это еще не тот грех, за который раньше времени отправляют на небеса. Наверное.

– Я включу телевизор. Не возражаешь? – спросила она.

– О'кей, – ответил он, не повернув головы.

Лежа нагишом в чужой постели, она отследила вечерние новости. На Ближнем Востоке продолжают кровавую бойню Иран с Ираком. Война, как болото, затягивает обе страны все глубже, и никто на свете не может сказать, как выбраться из этой трясины на твердую землю. В Ираке ввели воинский призыв, и новобранцы в знак протеста вешаются на электрических столбах вдоль дороги. Саддам Хусейн заявил, что применит нервно-паралитический газ и бактериологическое оружие, и в ответ на это правительство Ирана готовится к эвакуации. В Штатах дерутся за кресло лидера демократов Уолтер Мондейл и Гэри Харт, но ни тот ни другой не говорят ничего интересного. На всех президентов, говорящих что-нибудь интересное, очень быстро совершаются покушения. Может, поэтому каждый, кому есть что сказать, делает все, чтобы не стать президентом?

На Луне продвигается строительство научно-исследовательской базы. Хоть в этом Штаты с Советами двигаются куда-то вместе. Как и в строительстве базы на Южном полюсе. Но совместная база на Луне? Стоп, сказала себе Аомамэ. Вот этого я уж точно никогда в жизни не слышала. Что, черт возьми, происходит? И все-таки, решила она, об этих проблемах лучше не думать. Слишком много других проблем громоздится прямо перед носом. На острове Кюсю – катастрофа на шахте. Погибло слишком много горняков, правительство ищет виновных. Уже

осваиваем Луну, а люди гибнут за уголь? Это не уместается в голове. Америка все требует от Японии открыть финансовый рынок. Банки «Морган Стэнли» и «Меррилл Линч» подстрекают правительство к госзаказам, впаривая свои акции и услуги. В префектуре Симанэ обнаружилась очень умная кошка. Когда выходит погулять, сама открывает окно, сама закрывает. Так ее научил хозяин. Аомамэ хорошо запомнила, как машет на прощание лапкой голодная черная кошка, прежде чем затворить за собой окно.

Разные были новости. Но сообщений о том, что в отеле на Сибуре найден труп, не всплывало. Новости закончились, она нажала кнопку на пульте и вырубил телевизор. Стало тихо. Только лысоватый яхтсмен с нею рядом еще подавал какие-то признаки жизни.

А тот мужчина все лежит, прижавшись мордой к столешнице. И выглядит так, словно глубоко заснул. Почти так же, как этот рядом. Только первый больше не дышит. Той сволочи уже никогда не проснуться. Вспоминая покойника, она изучила как следует потолок. Покачала головой, снова скорчила мину. И, выбравшись из постели, начала собирать раскиданное белье.

Глава 6

Тэнго

А далеко ли нам ехать?

Комацу позвонил в пятницу, в шестом часу утра. Тэнго снилось, будто он шагает по длинному каменному мосту. Возвращается на тот берег за какими-то забытыми документами. Бредет себе по мосту один-одинешенек. По обе руки – широкая река с песчаными островками. Зеленые ивы на островках омывают листву в неторопливой воде. Под ними стойкой резвятся форели. Словно оживший пейзаж с расписного китайского блюда. Проснувшись, Тэнго посверлил глазами часы на полке у изголовья. Кому взбрело в голову трезвонить в такую рань, он хорошо знал.

– Тэнго, дружище, у тебя словопроцессор есть?²³ – спросил Комацу.

Ни тебе «доброго утра», ни даже вопроса, не разбудил ли. Явно с вечера не ложился. Судя по голосу, не похож на раннюю пташку, вставшую спозаранку, дабы воспеть новый день. Наверняка прошатался где-то всю ночь и лишь перед тем, как свалиться в постель, вспомнил, что хотел сказать молодому напарнику.

– Нет, конечно... Откуда? – ответил Тэнго. Было еще темно. А он все стоял на середине моста. На редкость отчетливый сон. – Вы уж простите, но такая игрушка мне не по карману.

– А пользоваться умеешь?

– Умею. И компьютером, и процессором, был бы сам аппарат. У нас в колледже есть, я для работы пользуюсь, когда нужно.

– Ну тогда сегодня же сходи в магазин и подбери что-нибудь подходящее. Я в этих железяках не разбираюсь, какой там бренд или модель покруче, ты уж сам смотри. Чек присылай мне, деньги верну. Я хочу, чтобы ты как можно скорее засел за «Воздушный кокон».

– Но это по меньшей мере двести пятьдесят тысяч!²⁴

– Ничего, это не сумма.

Не отнимая от уха трубки, Тэнго озадаченно повертел головой.

– То есть вы решили купить мне словопроцессор?

– Ну да, потрачу немного из кармана. Считай это моим скромным вкладом в наше общее дело. Будем жаться по мелочам, ничего хорошего не выйдет. Как ты знаешь, в издательство текст «Кокона» пришел распечатанным с процессора. А значит, и обрабатывать его на процессоре сам бог велел. Постарайся, чтобы внешне твоя распечатка выглядела как можно ближе к оригинальной. Ну? Готов начать уже сегодня?

Тэнго задумался на пару секунд.

– Да я-то готов в любую минуту. Но все-таки Фукаэри поставила условие: до получения ее согласия я должен с кем-то встретиться. Встреча назначена на воскресенье. И если разговор почему-либо не заладится, все ваши деньги и наши усилия, возможно, будут выкинуты на ветер.

– Да и черт с ними. Не помрем же, в самом деле. Главное – не отвлекаться по мелочам, начинать работу прямо сейчас. Со временем наперегонки!

– Но почему вы так уверены, что встреча закончится успешно?

²³ **Словопроцессор** (англ. «word processor» или яп. «ва-про») – печатное устройство с электронной памятью, нечто среднее между пишущей машинкой и персональным компьютером. Активно использовался японцами в 1980–1990-х гг., хотя в 1984 г. еще считался чересчур дорогой «игрушкой» для приобретения средним потребителем в личное пользование.

²⁴ На момент действия романа – около 2 тыс. долларов США.

– Шестое чувство, – отрезал Комацу. – У меня оно работает неплохо. Талантами я, боюсь, похвастаться не могу, но интуицией меня природа не обделила. Всю жизнь прожил с оглядкой на собственное чутье. А как ты думаешь, братец, в чем главное отличие таланта от чутья?

– Даже не знаю.

– Сколько бы в тебя ни заложил бог таланта, это вовсе не гарантирует, что ты не помрешь с голодухи. А вот если он заложил чутье, голодным ты уже не останешься.

– Я запомню, – пообещал Тэнго.

– Поэтому – никаких воздушных замков, – продолжил Комацу. – Начинай работу прямо сегодня.

– Если вы так говорите, у меня возражений нет. Просто я не хотел, чтобы все вдруг пошло коту под хвост...

– За это не беспокойся. Всю ответственность я беру на себя.

– Ясно... После обеда мне нужно кое с кем встретиться, потом я свободен. Завтра с утра съезжу в город, поищу словопроцессор.

– Давай, дружище. Считай, я твой напарник. Вдвоем мы перевернем мир!

В десятом часу позвонила замужняя подруга. Сразу после того, как подвезла на станцию мужа с детьми и попрощалась с ними. Сегодня после обеда она должна была заехать к Тэнго. Пятница – день свиданий.

– Физиологические обстоятельства не в нашу пользу, – добавила она. – Очень жаль, но в следующий раз.

«Физиологические обстоятельства» могли означать лишь одно: у подруги месячные. Что ни говори, а воспитывалась она в семье, где такие проблемы описывали исключительно эвфемизмами. В постели, впрочем, она не казалась настолько манерной. Но это другой вопрос.

– Мне тоже очень жаль, – ответил Тэнго. – Ну, ничего не поделаешь.

Впрочем, на сей раз он не особо жалел о разлуке. Делить постель с этой женщиной всегда приятно, однако теперь его мысли переключены на правку «Воздушного кокона». Самые разные идеи уже зарождались в его сознании, будто первые ростки жизни в Мировом океане.

Что ж, подумал Тэнго. Выходит, мы с Комацу и впрямь одного поля ягоды. Официально еще ничего не решено, а нам уже хочется бежать впереди паровоза.

В десять он вышел из дома, отправился на Синдзюку и, расплатившись кредиткой, приобрел словопроцессор «Фудзицу». Новехонький, куда компактнее, чем большинство громоздившихся на полках железяк. В довесок запасся чернильной лентой и пачкой бумаги. Принес покупки домой, разложил на столе и включил машину в розетку. На работе ему уже доводилось пользоваться подобными устройствами, и особых различий он не обнаружил. То и дело сверяясь с инструкцией к аппарату, Тэнго приступил к переделке «Воздушного кокона».

Как следовало обрабатывать текст, что именно должно получиться в итоге – никаких предварительных соображений у него не было. Он просто чувствовал, как следует поступить с каждой отдельной деталью. Но никакого «ноу-хау» для правки «Воздушного кокона» не существовало в природе. Тэнго даже не был уверен, возможно ли это вообще – переложить все чувства и образы этого странного текста на академический литературный язык. Да, прав Комацу: весь роман нужно перелопачивать от корки до корки. Но реальна ли столь масштабная правка без потери той интонации, что так цепляла в оригинале? Это же все равно что личинке приращивать крылья, чтобы та превратилась в бабочку! Чем дольше Тэнго размышлял об этом, тем больше запутывался и нервничал. Но тем не менее, повторял он себе, все наконец-то пришло в движение. А времени в обрез. Некогда медитировать сложа руки. Как бы там ни было, остается только править деталь за деталью. В надежде, что общее тело произведения начнет меняться само собой.

«Тебе, брат, это по силам. Уж я-то знаю!» – уверенно заявил Комацу. И Тэнго воспринял эту уверенность как должное. Хотя прекрасно знал, что слова у Комацу частенько расходятся с делом и что на самом деле этот тип не думает ни о ком, кроме себя самого. Если ему приспичит, он бросит Тэнго, не задумываясь ни на секунду. И даже не оглянется на прощанье. Но редакторский нюх у Комацу был все-таки феноменальный. На этом поприще он никогда ни в чем не сомневался. Что бы ни происходило, мгновенно оценивал ситуацию, делал выводы, принимал решение и как можно скорее претворял его в жизнь. Ничуть не заботясь о том, что при этом говорят окружающие. Качества командира на линии фронта. То, чего самому Тэнго, увы, не хватало.

Работать он сел в половине первого. Забил в процессор несколько страниц романа и приступил к обработке. Стараясь не исказить содержания, перекраивал фразу за фразой – так, чтобы глаз бежал по строчкам ровно и не спотыкался. Очень похоже на капитальный ремонт в отдельно взятой квартире. Структуру здания оставляем прежней. С этим проблем нет. Узлы коммуникаций не трогаем. А все остальное – плитки пола, потолочное покрытие, обои на стенах – выбрасываем и заменяем на новое. В конце концов, утешал себя Тэнго, я всего лишь ремесленник, которому поручили отремонтировать чье-то жилье. Вот только никакого плана работ не предоставили. Придется делать из чужого дома конфетку, полагаясь на чутье и накопленный опыт...

Малопонятное разъясним, громоздкое облегчим. Лишнее удалим, недописанное дополним. Где нужно, изменим порядок слов или предложений. Прилагательных с наречиями в тексте до крайности мало. Эту особенность, пожалуй, выделим как изюминку. И лишь там, где без определений уж совсем не обойтись, подберем уместные сравнения. В целом повествование Фукаэри было настолько по-детски наивным, что отделять в нем достоинства от недостатков оказалось даже проще, чем он думал. С одной стороны, из-за этой наивности местами было трудно понять, что имелось в виду; с другой стороны – все та же наивность порождала настолько свежие высказывания, что просто дух захватывало. В первом случае он переписывал фразу по-своему, во втором оставлял как есть.

Продвигаясь вперед, Тэнго все чаще ловил себя на мысли, что Фукаэри писала все это вовсе не из желания создать литературное произведение. Ей просто хотелось зафиксировать, по ее же словам, те *реальные* события, свидетелем которых она оказалась. И дело тут не в словах: просто у нее не было никаких других способов выражения. Вот и все. Ни малейших литературных амбиций. Ни стремления проработать детали так, чтобы текст удачнее продавался. Если продолжить сравнение с домом, были бы стены да крыша от дождя, а больше ничего и не нужно. Вот почему Фукаэри до лампочки, как именно Тэнго переправит ею написанное. Каким бы текст ни получился в итоге, она своей цели уже достигла. Говоря ему «*делай-как-хочешь*», она совсем не кривила душой.

И все-таки «Воздушный кокон» нельзя назвать текстом, написанным для себя. Чтобы просто сохранить информацию, хватило бы и дневниковых заметок. Но эта история, как ни крути, изначально писалась для того, чтоб ее прочел от корки до корки кто-то еще. Вот почему, несмотря на полное отсутствие литературности и убогий стиль изложения, роман все равно цеплял душу. Но стоит заметить: этот «кто-то еще» довольно сильно отличался от среднестатистического читателя, воспитанного на современной литературе. Так, по крайней мере, казалось Тэнго.

Для какого же читателя это писалось?

Бог его знает.

Очевидным для Тэнго было одно: «Воздушный кокон» – уникальное литературное полотно, сотканное из высоких достоинств и грубейших ошибок с какой-то особенной, *внелитературной* целью.

После правки текст вырос чуть ли не в два с половиной раза. Дописывать недосказанное приходилось куда чаще, чем вычеркивать лишнее, и объем увеличился не на шутку. В первом приближении читалось неплохо. Изложение стало последовательней, позиция автора четче, сам текст – гораздо читабельнее, чем раньше. Но теперь строки разбухли от логики, и пронзительность восприятия мира, так поражавшая в оригинале, притупилась на целый порядок.

Теперь нужно убрать из перегруженного текста все, без чего можно обойтись. Примерно как избавляются от жировых складок. Отсекать лишнее намного проще, чем заполнять пустоту. В результате текст сократился процентов на тридцать. Очень специфическая игра для ума. Сначала задаешь себе установку, чтобы нарастить все, что можно, потом – чтобы сократить все, что можно, а дальше повторяешь один процесс за другим, пока амплитуда твоего колебания между ними не сократится до минимума, дабы то, что нужно, получилось само собой. На выходе – идеальный результат: нечего добавить, нечего сократить. Самолюбие обуздано, вычурности пригашены, логика загнана в конуру. Такую работу Тэнго с юных лет выполнял блестяще. С пронзительностью ястреба на охоте, терпеливостью ослика на водокатке и безграничной преданностью правилам игры.

С головой погрузившись в текст, Тэнго совершенно забыл о времени, и лишь когда решил перевести дух, бросил взгляд на часы. Без малого три. Пора бы и пообедать. Он прошел на кухню, поставил чайник и, пока тот закипал, смолот кофейные зерна. Съел несколько галет с сыром, пару раз откусил от яблока. Чайник закипел, Тэнго сварил кофе. Налил в большую кружку и, чтобы немного развеяться, подумал о сексе со старшей подругой. О том, что в обычную пятницу они прямо сейчас занимались бы этим на всю катушку. Тэнго представил, что бы выделял он, а что она. Зажмурился, поднял лицо к потолку и глубоко, проникновенно вздохнул.

Вернувшись в кабинет, Тэнго сел за стол и перечитал исправленное начало романа. Отслеживая каждую строчку так же придирчиво, как генерал в начале «Троп славы» Кубрика изучает линию фронтовых укреплений. Неплохо. Лучше, чем было, на целый порядок. Но пока не идеально. Есть, есть еще над чем поработать! Здесь мешок с песком прохудился. А у этого пулемета маловато боеприпасов. А вон там поредела колючая проволока...

Распечатав исправленный текст, Тэнго сохранил работу в памяти процессора, отключил аппарат и спрятал в ящик стола. Затем положил перед собой распечатку и принялся вычитывать работу заново с карандашом в руке. Сокращая все лишнее. Переписывая все невнятное. Причесывая все выпирающее из контекста. Подобно мастеру, что выкладывает кафель на стенах купальни, Тэнго подбирал слова, точно плитки различной формы, подставляя новые к предыдущим так, чтобы не оставалось зазоров. И если какое-то слово не подходило, обтачивал, пока не вставало меж других как надо. Ведь что ни говори, а именно от тончайших, почти незаметных нюансов между словами оживают (или, наоборот, умирают) любые истории.

Один и тот же текст воспринимается с экрана процессора немного не так, как распечатанный на бумаге. Говоря строго, это два текста, между которыми существует неуловимая разница. Ну и конечно, править текст карандашом от руки – совсем не то, что перебивать его на клавиатуре: ощущение от слов меняется. Для оптимального результата нужно выверять все и так и эдак. А потому включаем процессор, забиваем в него все исправленное карандашом – и читаем на экране, что получилось. Что ж, неплохо. Очень неплохо. До сих пор каждый текст обладал своим собственным весом. Но лишь теперь, когда оба слились, из несовпадающих тяжестей и родился естественный ритм.

Не вставая со стула, Тэнго потянулся всем телом, оглядел потолок и протяжно вздохнул. Понятно, что до совершенства еще далеко. Через несколько дней, когда текст «отлежится», Тэнго еще найдет над чем покорпеть. Но на сегодня – все. Он выложился на полную. Теперь нужно время, чтобы остыть и подзарядиться. Стрелки часов подбирались к пяти, за окном

начинало понемногу смеркаться. Завтра одолеем еще десяток страниц, сказал себе Тэнго. Надо же: совсем небольшое начало романа отняло чуть ли не целый день! Работа оказалась сложнее, чем он думал. Но ничего: первые рельсы проложены, основной ритм задан. Теперь дело пойдет живее. Все-таки самое трудное – это начало. Главное – преодолеть его, а уж дальше...

Тэнго вдруг представил, как Фукаэри читает исправленный им роман. С какими чувствами? Об этом оставалось только гадать. Что он вообще о ней знает? Девчонке семнадцать, о поступлении в вуз и не думает, разговаривает, как марсианка, любит белое вино – и одним своим взглядом способна разбить сердце любому мужчине. Вот, пожалуй, и все.

Но теперь в душе Тэнго появилась уверенность (или нечто *похожее* на уверенность) в том, что он четко знает, как именно следует сохранять тот особенный мир, который Фукаэри зафиксировала (или *старалась* зафиксировать) в «Воздушном коконе». Все эти запредельные сцены и фантастические события, которые она пыталась описать примитивным, до предела ограниченным языком, заиграли куда более яркими, свежими красками после того, как он пропустил их через кончики пальцев. Вдохновение окрыляло его. Пускай его задача сводится лишь к технической поддержке того, что придумал кто-то другой, – он готов выполнять ее так же естественно и с той же отдачей, как работу над собственной книгой. Феерическая сага, имя которой «Воздушный кокон», ждала своего часа, чтобы появиться на свет.

И это для Тэнго было радостнее всего. Выжатый как лимон несколькими часами напряженной работы, он тем не менее блаженствовал. Даже выключив процессор и отойдя от стола, долго не мог избавиться от желания вернуться и продолжить работу. Ему нравилось это занятие. Правя роман, Тэнго словно погружался в нирвану. Если так пойдет дальше, подумал он, кто знает – может, и не придется расстраивать Фукаэри? Впрочем, эту девочку сложно представить расстроенной – равно как и обрадованной. Он также не представлял, что заставило бы ее улыбнуться или нахмуриться. Никаких настроений на ее лице не проявлялось. То ли нет чувств, которые можно как-нибудь выразить, то ли чувства никак не связаны с выражением – этого Тэнго не знал. Странная девочка, что и говорить.

В героине «Воздушного кокона» Фукаэри, похоже, описала саму себя в детстве. Ей десять лет. Живет в горах, в какой-то общине (или вроде того) и присматривает за слепой козой. Это работа, которую ей поручили. Все дети в коммуне выполняют какую-нибудь работу. Коза совсем старая, но для членов общины она олицетворяет некий Великий Смысл, а потому нужно следить очень тщательно, чтобы коза никуда не пропала. То есть вообще не спускать с нее глаз. Так наставляют девочку взрослые изо дня в день. Но однажды она отвлекается по какому-то пустяку – и тут коза, как назло, подыхает. Девочку сурово наказывают. Ее поселяют в глиняном амбаре вместе с трупом козы. Десять дней и ночей, отрезанная от мира, девочка не должна возвращаться к людям. Даже словом перекинуться с кем-либо ей строго запрещено. Коза играет роль коридора, по которому на этот свет пробираются *LittlePeople*. Кто такие *LittlePeople*, добрые они или злые, – девочке непонятно (как, впрочем, и самому Тэнго). Но с наступлением ночи *LittlePeople* переправляются в наш мир через труп козы. А с рассветом точно так же возвращаются восвояси. Девочка может разговаривать с ними. Они показывают ей, как плести Воздушный Кокон.

Пожалуй, больше всего Тэнго поразило, как подробно, в мельчайших деталях, Фукаэри описала характер и повадки слепой козы. Настолько ярко и живо, что начинало казаться, будто события «Кокона» случились на самом деле. Неужели ей и впрямь довелось присматривать за старой слепой козой? И жить среди гор в общине вроде той, что описана в «Коконе»? Скорее всего, да, предположил Тэнго. Ведь чтобы сочинить такую запредельную историю без подобного опыта за плечами, нужно быть семи пядей во лбу.

При следующей встрече (то есть в воскресенье) обязательно уточню у Фукаэри насчет козы и общины, решил Тэнго. Бог знает, конечно, ответит она или нет. Судя по ее поведению в прошлый раз, отвечала она лишь на то, что считала нужным. Те же вопросы, на которые она реагировать не хотела (или которых сознательно избегала), повисали в воздухе, словно она их вообще не слышала. Совсем как Комацу, подумал Тэнго. Что одного, что другую о чем-либо спрашивать – все равно что горохом об стену. Явно какое-то врожденное свойство натуры.

В полшестого раздался звонок от замужней подруги.

– Чем занимался? – спросила она.

– Весь день писал книгу, – ответил Тэнго.

Полуправда, полуложь. А что тут еще ответишь? Книга, конечно, не его, но писать-то он писал. Не объяснять же на пальцах всю ситуацию.

– На работе все хорошо?

– Слава богу.

– Извини, что сегодня все пришлось отменить. Через неделю обязательно встретимся.

– Буду ждать, – пообещал Тэнго.

– Я тоже, – сказала она.

Потом заговорила о детях. Она вообще часто рассказывала ему о своих детях, двух дочурках. У самого Тэнго ни братьев, ни сестер не было, а уж детей и подавно. Что такое дети, он представлял очень смутно. Но подругу это не смущало, и она постоянно болтала с ним о дочерях. Собеседник из Тэнго был пассивный. В любых разговорах ему больше нравилось слушать других, нежели говорить самому. Вот и подругу он слушал с искренним интересом. Старшую дочь-второклассницу, кажется, дразнят в школе, с тревогой поделилась она. Сама-то бедняжка отмалчивается, но мамы ее одноклассниц подозревают, что так оно и есть. Девочку эту Тэнго, разумеется, никогда не встречал. Только однажды мать показала ему фотографию. Почти никакого сходства.

– А за что ее могут дразнить? – спросил Тэнго.

– Иногда ее мучают приступы астмы, и она не может делать то же, что и все остальные. Наверно, за это. Девочка добрая, открытая, учится неплохо. А вот поди ж ты...

– Что-то я не пойму, – нахмурился Тэнго. – По идее, если у человека астма, его нужно защищать, а не дразнить, разве не так?

– У детей все не так просто, – вздохнула она. – Достаточно быть не таким, как все, – и ты уже изгой. Все совсем как у взрослых, но в более трагических проявлениях.

– В каких именно?

Она привела примеры. Каждый пример в отдельности, может, и не покажется особо трагичным, но когда это продолжается изо дня в день, ребенок начинает *реагировать*. Что-то скрывать. Отмалчиваться. Злиться и грубить на пустом месте.

– Да господи, разве тебя самого в детстве не доводили?

Тэнго напряг память.

– Пожалуй, нет... Может, что-то и было, да я как-то внимания не обращал.

– Если внимания не обращал, считай, ничего и не было. Ведь главная цель того, кто унижает, – заставить свою жертву заметить, что ее унижают. А иначе и унижения не получается.

Тэнго с малых лет был крупней и сильнее сверстников. Никто не хотел с ним связываться. Возможно, поэтому над ним никогда не измывались. В те времена ему хватало своих проблем. Гораздо более серьезных, чем подначки одноклассников.

– Ну а тебя в школе доводили? – уточнил он.

– Нет! – ответила она резко. И тут же как будто смутилась – А вот я доводила, было дело...

– Со всеми заодно?

– Да. Классе в пятом все сговорились и объявили одному мальчишке бойкот. За что – хоть убей не помню. Какой-то повод был, но раз не запомнился – наверняка ерунда какая-то. И зачем мне это понадобилось? Сама не понимаю.

Слушая ее, Тэнго вспомнил кое-что из своего детства. Случилось это очень давно, а в памяти сохранилось до сих пор. И забыть уже не получится. Но подруге ничего говорить не стал. Слишком долгая история, которая утратит суть, если передать ее словами. Никому в жизни Тэнго ее не рассказывал и теперь уже вряд ли кому расскажет.

– В конечном итоге, – продолжала подруга, – людям спокойнее с теми, *кто* издевается, нежели с теми, *над кем* издеваются. И радуются: «Боже, какое счастье, что все это вытворяют не со мной!» В любые времена в любом обществе по большому счету происходит одно и то же: все стремятся примкнуть к большинству и не париться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.